

АНДРЕЙ ВОРОНИН

КОМБАТ

**ЗА ЛИЧНОЕ
МУЖЕСТВО**

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. За личное мужество

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Комбат. За личное мужество / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2012 — (Комбат)

ISBN 978-985-18-3866-6

В Москве появилась новая секретная организация «Легион», преследующая некие свои тайные цели и не гнушающаяся такими преступными действиями, как вымогательство денег, похищение и даже убийство людей. И разруливать возникшую опасную ситуацию опять приходится Комбату и его товарищам по оружию...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3866-6

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Николаевич Воронин

Комбат. За личное мужество

© Подготовка и оформление Харвест, 2012

Глава 1

Осень в Москве выдалась настолько теплой, что казалось, будто вместо долгожданного, окутанного холодными предрассветными туманами бабьего лета пришла весна, – в скверах вновь зацвели каштаны. Одни москвичи восприняли это как предзнаменование грядущего апокалипсиса, другие – как добрый знак. Так или иначе, но это была аномалия. Когда под ноги то и дело падали колючие каштановые ежики с коричневыми, похожими на камешки гладышами, а в воздухе пахло майским цветом, это напрягало и тревожило. А тревога – далеко не лучшее состояние души. Вот уже несколько дней подряд, возвращаясь домой после традиционной утренней пробежки, Борис Рублев ощущал на себе чей-то пристальный взгляд. Бывший командир десантно-штурмового батальона знал достаточно способов вычислить того, кто, как говорится, положил на него глаз. Интуиция подсказывала ему, что пока что этот таинственный соглядатай непосредственной опасности не представляет, и Рублев решил немного поиграть с ним в кошки-мышки. Но сегодня этого уже почти привычного ощущения слежки не было. Сегодня за ним не следили. А значит, он упустил того, кто этими теплыми осенними днями неотступно следовал за ним. Рублеву это не понравилось.

Еще больше Борису не понравилось то, что у подъезда его дома, несмотря на раннее время, стояли и что-то оживленно обсуждали с новым дворником две соседки-пенсионерки. Одна, Мария Митрофановна, бывшая учительница, живущая на первом этаже, в общем-то была женщиной тихой и интеллигентной. По утрам она выгуливала свою рыжую таксу Жульку, которая теперь испуганно жалась к ноге хозяйки. А вот то, что у подъезда в такую рань вдруг оказалась ненакрашенная, без шляпки, в халате и домашних тапочках Серафима Карловна с пятого этажа, выглядело более чем странно.

Как правило, Борис Иванович Рублев с соседями не общался. Он считал, что чем меньше проживающие рядом люди будут знать о тебе, тем меньше станут тревожить. А ему после стольких лет напряженной, связанной с постоянным риском службы хотелось хотя бы дома побыть одному, отдохнуть и отрешиться от чужих проблем. Но вот эта самая Серафима Карловна, которую жильцы дома прозвали «вездесущей Серафимой», не только уже успела с ним познакомиться, но и рассказала о себе столько, сколько он и знать-то не хотел. И все эти встречи были как бы совсем случайными и незапланированными. То Серафима Карловна вдруг выныривала из подъезда в дождь без зонта, когда он садился в машину, и просила подвезти до магазина. То догоняла его на остановке, когда он возвращался пешком. Пару раз приходила за солью и луком и по этому поводу минут пятнадцать говорила, точнее, вещала в прихожей, пока Борис не выставлял ее за дверь. Хотел того Рублев или не хотел, он узнал и о том, что в молодости Серафима Карловна работала в комитете комсомола, потом в отделе кадров одной из московских фабрик, что она пережила двоих мужей, что ее единственный сын-физик еще в девяностые уехал, точнее, улетел покорять Америку. Но, к сожалению, дела у него в Штатах пошли не так, как он планировал, а так, как предрекала ему Серафима Карловна. Он и теперь за океаном, работает в Бостоне таксистом, а его жена, тоже эмигрантка, но из Украины, – официанткой. У них двое детей, которых Серафима Карловна видела только на фотографиях, скромная съемная квартира и куча долгов. Сама же Серафима Карловна сдавала двухкомнатную квартиру сына в Бирюлево, получала приличную пенсию и мечтала еще раз выйти замуж. Об этом она заявила Рублеву едва ли не при первой же их встрече.

– Я сразу вас выделила, – заявила Серафима Карловна, – я вижу, вы человек военный, не пьете, не курите, по утрам бегаєте, следите за своим здоровьем. Я уверена, что и друзья у вас такие же. И я буду вам очень признательна, если вы познакомите меня с каким-нибудь вдовцом. Генералом, полковником или на худой конец майором. Поверьте, я смогу скрасить его одинокую старость.

После этого сделанного год тому назад признания Серафима Карловна едва ли не каждую будто бы случайную их встречу начинала то заискивающим, то чуть ли не наглым: «Ну как?» В конце концов Борис Рублев научился избегать даже случайных встреч с «вездесущей Серафимой», чему способствовало то, что она никогда не появлялась на улице раньше двенадцати, причем выходила всегда аккуратно причесанной, с безупречным макияжем, в шляпке и, несмотря на преклонный возраст, в туфлях на высоких каблуках. И тут вдруг рано утром, когда ему еще нужно было успеть на вокзал к приезду одного из своих сослуживцев, можно сказать товарища по оружию, он вдруг натывается на столь непохожую на саму себя и явно чем-то встревоженную Серафиму Карловну. Рублев, вежливо поздоровавшись, попытался пройти мимо, однако тут не только Серафима Карловна, но и скромная Мария Митрофановна, и дворник Карим в буквальном смысле преградили ему дорогу.

– Наконец-то! Вот, вот кто нам поможет! – радостно воскликнула Серафима Карловна. – Вот, вот он – настоящий мужчина! Нам нужна ваша помощь!

– Простите, я очень спешу, – заявил Рублев, пытаясь продолжить путь.

– Речь идет о жизни и смерти! – высокопарно заявила Серафима Карловна, прижимаясь спиной к входной двери.

– Ну что такое? – понимая, что от «вездесущей Серафимы» ему просто так не отделаться, недовольно проворчал Рублев.

– Вот, Мария Митрофановна выгуливала Жульку, а потом хотела зайти в подвал, картошки взять. Она, как и я, на зиму всегда картошку покупает, – торопясь, заговорила Серафима, активно жестикулируя, но при этом не отходя от двери. – Сколько ты там, Маша, в этом году себе засыпала?

– Два мешка, – растерянно пробормотала Мария Митрофановна.

– А я три! – гордо сообщила Серафима Карловна и добавила: – По весне, если останется, можно будет и продать. Это же у нас подвалы имеются. А в соседних домах, там же бедные люди! И как они без подвалов живут?

– Серафима Карловна, давайте ближе к делу! – попросил Рублев. – Чем я-то могу вам помочь?

– Да-да, так вот Мария Митрофановна хотела в подвал зайти, а двери изнутри заперты. Она мне по домофону позвонила. «Что делать?» – говорит. Я спустилась, проверила. И правда, двери изнутри заперты и в скважине ключ с той стороны торчит. А с этой стороны вставить не получается. Мы дворника Карима позвали.

– Правильно сделали, – кивнул Рублев. – У него инструменты есть. Он и откроет.

– Да в том-то и дело! Карим не хочет. Бойтся туда один соваться. А вы, я же вас знаю! Вы же человек военный! Помогите нам! Я тоже бы картошки себе набрала, раз уж встала в такую рань и вниз спустилась в чем мать родила.

Рублев, взглянув в укутанную в цветастый халат Серафиму Карловну, едва сдержал улыбку.

– Карим – дворник, а не слесарь, – вдруг угрюмо отозвался до того молчавший Карим.

– Ладно, – кивнул Рублев, понимая, что разбираться сейчас с Каримом будет себе дороже. Он осмотрел замок и пожал плечами:

– Но мне в любом случае нужно подняться к себе за инструментами.

– Не надо ходить за инструментом, – все так же угрюмо проговорил Карим. – У меня есть инструмент. Я сейчас принесу инструмент.

С этими словами он не спеша направился к соседнему подъезду.

– У него там дворницкая, – поспешила объяснить Серафима Карловна.

Рублев взглянул на часы. На вокзал ехать рановато, но ему хотелось еще принять душ, выпить кофе.

Конечно, Василий Титовец, а именно его должен был встретить Борис Рублев, знал его адрес и сам мог приехать, но попросил встретить его на вокзале. Ему предстояла какая-то важная встреча, и он собирался отдать Рублеву вещи, чтобы не сдавать их в камеру хранения. Наверняка это были сибирские гостинцы и сувениры, если можно назвать сувенирами обещанную медвежью шкуру и оленьи рога. В маленьком сибирском поселке, где Василий Титовец поселился после увольнения из армии, его главной страстью стала охота. В Москве он бывал нечасто, только по делам, останавливался обычно в гостинице. Но в этот раз Рублев сам предложил остановиться у него и продиктовал адрес.

Карим принес ящик с инструментами, и мужчины вместе взялись за работу.

Между тем «вездесущая Серафима» не унималась и, не спуская глаз с Рублева и Карима, которые возились с замком и дверью, поспешила предположить:

– Это точно Марусины бомжи опять там загуляли! Вы Марусю из первой квартиры знаете же?

Рублев, не отрываясь от замка, неопределенно передернул плечами.

– Ну как же! – удивилась Серафима Карловна. – Рыжая такая, дюймовочка, ни кожи ни рожи, а все туда же, хвостом перед мужиками крутит. Хотя что у нее за мужики – бомжи да алкоголики! Правда, поначалу милиционер какой-то захаживал. Потом Колян появился, страшенький, без зубов, а она все ему: «Коленька, Коленька...» Он сюда к нам в подвал и начал таких же, как он, алкашей таскать. За картошкой не сходишь. Где пьют, там, извиняюсь, ис...! Когда лампочка не горит, обязательно в какое-нибудь дерьмо вляпаешься! И сама Маруся, хоть квартиру имеет, постоянно с ними в подвале сидит, тоже алкоголичкой стала.

– Но она же не всегда такой была, – вступила в разговор Мария Митрофановна. – Она же медсестрой в поликлинике работала, вон и мне уколы ставить приходила. А до того, она сама мне рассказывала, где-то в горячей точке воевала. Даже боевые награды имеет. И квартиру ей эту тоже не просто так дали, а как вдове героя. У нее муж погиб, когда она совсем молоденькой была. Она мне сама рассказывала...

– Ой, ну она тебе много чего понарассказывает! – недоверчиво покачала головой Серафима Карловна. – Ты слушай ее побольше! Ты ее последнего кавалера видела? Санька? В сыновья ей годится, а она его тискает, облизывает, шепчется с ним о чем-то. Тоже мне – Алла Пугачева! Галкина себе нашла! А Санек этот красивый такой, высокий, стройный, брови вразлет, глаза голубые...

– Ой, Серафима, ты уже и глаза его разглядеть успела! – покачала головой Мария Митрофановна. – Может, ты сама на него запала? Ревнуешь?

Жулька, вильнув хвостом, твякнула.

– Да ты че! – покраснев, возмутилась Серафима Карловна. – Мне просто парня жалко. Я Марусе говорю, мол, че к парню привязалась, че молодого спаиваешь? Че, одногодки тебя уже не устраивают?! А она мне: «У него трагедия. Жена погибла. Его поддержать нужно». Я ей: «Поддержать или подержать?» А она смеется, зуб свой золотой демонстрирует. Говорит, мол, у них душевный контакт, общаются они. Ну так и общайся у себя в квартире! Так нет, в подвал тащатся. Я дня три назад Санька этого ее, когда он трезвый был, тут на лавочке перехватила и говорю, мол, если еще раз ночлежку в подвале у нас устроите, участкового вызову. Он вроде как испугался, говорит, мол, все, больше в вашем подвале ни-ни. Пару дней и правда не было их здесь, а теперь снова праздник устроили. Ну мы их сейчас накроем!

– Может, нужно было Марусе позвонить? Может, она в курсе, кто там в подвале заперся? – засомневалась Мария Митрофановна.

– Да я, когда вниз спускалась, звонила ей. Никто не открывает. Или спит пьяная, или в подвале сидит вместе с хахалем своим. Не знаю уж, чем они там занимаются, – покачала головой Серафима Карловна, собираясь, очевидно, продолжить свою тираду.

Но как раз в этот момент дверь поддалась, и Рублев первым вошел в подвал. Он нащупал на стене выключатель, щелкнул им, но лампочка не загорелась.

– Шайтан! – возмутился Карим. – Опять гады лампочка выкрутили! Вот попадись мне, голова так выкручу!

Идти за фонариком времени не было, и Рублев, посветив мобильником, зашагал по ступенькам вниз. Он знал, что за поворотом есть несколько заставленных картонками узеньких окон и можно будет обойтись без дополнительной подсветки. Картонки, очевидно, поставили бомжи, чтобы их снаружи не видели и не тревожили.

В подвале, по обыкновению, резко пахло сыростью, мочой, химикатами, которыми недавно травили крыс. Но в этот раз, как показалось Рублеву, к этим запахам примешивался едва уловимый запах крови.

Снимать с окон картонки не пришлось. Одно окно было открыто настежь. И, судя по подставленным к нему ящикам, кто-то уже воспользовался им, чтобы сбежать. Ящики, очевидно, подставляли к окну второпях, потому что прямо на полу валялись служившая скатертью газета, полупустая бутылка водки, неаккуратно открытая ножом и вылизанная не то людьми, не то успевшими ретироваться котами жестянка с рыбными консервами. А чуть поодаль, в полумраке, лежал молодой мужчина. У него из груди торчал, очевидно, тот самый нож, которым открывали консервы. Вытекавшая из раны кровь образовала на полу довольно большую лужицу.

– Санек... – выдохнула Серафима Карловна, которая тоже успела спуститься вниз. – Вот подонки! Прямо в сердце...

– Вы говорили, что он бомж, – напомнил Рублев, недоверчиво разглядывая аккуратно подстриженного, чисто выбритого молодого парня в дорогом джинсовом костюме и явно не секонд-хендовской черной майке с похожими на иероглифы знаками. Правда, на ногах у него, кроме носков, ничего не было. Похоже, кому-то очень приглянулись его туфли или кроссовки.

– Ну да, мне Маруся говорила, что ему жить негде. Жена у него погибла, а родителей жены, в смысле тещу, он на дух не переносил, – поспешила уточнить Серафима Карловна.

– Да нет, я о другом, – покачал головой Рублев. – Он что, всегда вот так пострижен был, в одежду дорогую одевался?

– Нет, – присмотревшись, покачала головой Серафима Карловна. – Он в какой-то робе старой ходил. И да, небритый, невымытый, и рыбой от него вечно несло. Нет, таким чистеньким я его никогда не видела, – уверенно сказала она и добавила: – Может, он себе новую девушку нашел. Хотел от Маруси уйти, а она приревновала и убила его?!

– Надо в полицию звонить, – решительно сказал Карим. – Мне начальник строго сказал, если ЧП, в полицию звонить.

– Да, конечно, вызывайте полицию! – сказал Рублев, бросив взгляд на часы. Без душа, без кофе, но встретить Василия он еще успевал.

– А вы куда?! – возмутилась Серафима Карловна. – Вы главный свидетель!

– Почему главный? – удивился Рублев.

– Как «почему»? – подняла брови Серафима Карловна. – Вы же первым труп обнаружили!

– Это подозреваемые главные бывают. А свидетели – это все те, кто видел преступление или место преступления, – попытался защититься Рублев.

– Ну что там?! – подала вдруг голос Мария Митрофановна, которая так и не решилась спуститься. Жулька жалобно заскулила.

– Труп! – односложно ответила Серафима Карловна.

– Как «труп»?! – в ужасе воскликнула Мария Митрофановна. – Чей труп?!

– Иди сама посмотри! – крикнула Серафима Карловна.

Рублев воспользовался случаем и поспешил подняться по лестнице. Но в подъезд войти он не успел, поскольку к нему подъехал полицейский «уазик», к которому побежал Карим, а следом подкатило такси. Из такси, к огромному удивлению Рублева, вылез, оглядываясь по сторонам, Василий Титовец. Комбат взглянул на часы. До времени прибытия поезда, которое назвал в телефонном разговоре Василий, оставалось около часа.

Василий, высокий, широкоплечий светловолосый парень, очевидно уже успел расплатиться, потому что водитель не медля открыл ему багажник.

– Василий! – окликнул Рублев.

Тот как-то странно дернулся, но, узнав друга, радостно улыбнулся.

– Давай помогу! – сказал Борис, направляясь к машине.

– Да тут у меня только чемодан и сумка, – махнул рукой Василий, забирая из багажника вещи.

– Ты же говорил, что у тебя вещей много, – пожал плечами Борис. – И время другое назвал.

– Поезд раньше пришел... – чуть понизив голос, сказал Василий, когда машина отъехала, и опять огляделся по сторонам.

– Ну, чтобы поезда опаздывали, бывало. Но чтобы раньше времени приходили... – покачал головой Рублев, наконец пожимая руку Титовцу.

– Телефон, брат, сам знаешь, какая ненадежная штука, – нахмурился Василий, закуривая.

Рублев на его предложение закурить покачал головой и односложно ответил:

– Бросил.

– Да... – задумчиво пробормотал Титовец и опять оглянулся.

– Ты чего дергаешься? Следят за тобой, что ли? – спросил Рублев.

– Точно не знаю, – пожал плечами Василий, – но это вполне возможно.

– Слава богу, что вы никуда не уехали! – вдруг воскликнула появившаяся возле них Серафима Карловна. – Там внизу милиция. Вас ждут!

– Я товарища своего наверх провожу, квартиру ему открою и к вам спущусь, – пообещал Рублев, надеясь все же избежать разговора с полицией. Ему совсем не хотелось лишний раз светиться перед органами правопорядка.

– Имейте в виду, это не просто преступление! Это убийство! А вы главный свидетель! – строго заметила Серафима Карловна.

– Если я им буду нужен, они сами меня найдут, – сухо и даже резко оборвал ее Рублев.

– Хорошо, хорошо, – кивнула Серафима Карловна, очевидно заинтересовавшись новым товарищем своего соседа, и поспешила в подвал, откуда эхо доносило лай не на шутку встревоженной Жульки.

– Что тут у вас стряслось? – поинтересовался Титовец, когда они вошли в подъезд.

– Убили парня в подвале. Говорят, бомжевал. Мне в это дело ввязываться не хотелось бы. Сам понимаешь, лишний раз светиться мне ни к чему, – заметил Рублев.

– Кому ж лишний раз светиться хочется, – пожал плечами Титовец, входя в квартиру и осматриваясь.

– Ты располагайся, в комнату проходи, а я на кухню. Голодный же небось с дороги? – спросил Рублев, окинув приятеля отеческим взглядом.

– Есть немного, – кивнул Титовец и, заметив на стене армейскую фотографию, где была вся их первая рота десантно-штурмового батальона, спросил: – Помнишь, майор?

– Помню, – кивнул Рублев и тяжело вздохнул.

Когда он смотрел на эту фотографию, ему вспоминалось разное. Однако сейчас почему-то стало горько. Да, были у них победы, но потери помнились острее. И если говорить о воин-

ском братстве, то оно, как с годами понял Рублев, держится как раз на общей памяти не столько о победах, сколько о потерях.

Василий, взглянув на Рублева, все понял без слов и тоже тяжело вздохнул.

Уже на кухне, за горячими бутербродами, которые на скорую руку приготовил Рублев, Титовец поинтересовался:

– А ты как, служишь где или на пенсии?

– Считай, на пенсии, – кивнул Рублев и, чуть улыбнувшись, сделал несколько глотков горячего кофе.

– Не верю, – покачал головой Василий.

– И правильно делаешь, – улыбнулся Рублев.

– Я знаю, здесь, в Москве, с нашим военным опытом можно заколачивать неплохие бабки, только нужно знать где, – как-то вдруг воодушевившись, сказал Титовец.

Но Рублев только покачал головой и, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил:

– А ты в Москву зачем? Ведешь себя как-то странно. Просишь встретиться, а приезжаешь на час раньше. И налегке. Я-то, грешен, думал, что ты мне шкуру медвежью, рога привезешь, как обещал.

– Привезу. И шкуру, и рога, если появилась та, которая может их тебе наставить, – попытался пошутить Титовец.

Но Рублев сухо его оборвал:

– Это мне точно не грозит.

Эта тема была для Бориса Рублева табу. Он был из тех мужчин, которые не любят болтать попусту, хвастаться легкими амурными победами. О том, что творилось у него в душе, что волновало его сердце, знал, а точнее, догадывался лишь он сам.

Титовец это уловил и смущенно потупился.

– Ну, так в Москву ты зачем? – повторил свой вопрос Рублев.

– Дело здесь у меня, – пробормотал Титовец, болезненно морщась.

– Опасное? – спросил Рублев, сверля взглядом Василия.

– Не знаю еще, – пожал плечами тот. – Мне с человеком одним встретиться нужно.

– Из наших?

– Нет, – покачал головой Василий.

– У тебя на когда встреча назначена? – поинтересовался Рублев.

– Ну, пока что время терпит, – уклончиво сказал Василий, давая понять, что об этом он с Рублевым говорить не хочет.

– Ладно, – кивнул Рублев. – Я спросил, чтобы прикинуть, чем заняться. Может, выпасться хочешь или душ принять, отдохнуть?

– Нет, – отказался Титовец, – на это у меня точно времени нет.

Договорить они не успели: кто-то настойчиво позвонил в дверь. Рублев, еще не посмотрев в глазок, уже догадался, кто это мог быть.

На лестничной площадке стояла Серафима Карловна, только уже не в халате, а в элегантном красном костюме и черной шляпке.

– У нас еще одно убийство! – сказала она не то с горечью, не то с воодушевлением и добавила: – Вы нам очень, очень нужны! И товарища вашего тоже позовите! Будете понятыми!

– Давайте вы с ним будете понятыми, – предложил Рублев. – А я лучше останусь в стороне.

– Хорошо, но я вас жду. Пойдем... – сказала Серафима Карловна, чуть закатывая глаза.

– Куда? – спросил Рублев. – В подвал?

– Нет, – покачала головой Серафима Карловна. – К Марусе! Я знала, я чувствовала, что добром это не кончится! – выпалила она.

Титовец вышел в прихожую, очевидно догадавшись, что им от этой женщины так просто не отделаться.

– Я так и знала! Я так и чувствовала! – продолжала вещать Серафима Карловна, пока они друг за другом спускались по лестнице. – Бедные, бедные Санек и Маруся! Они так любили друг друга. Многие не верили, а ведь у них и правда было настоящее душевное родство! И разница в возрасте здесь совершенно ни при чем!

– Так кого убили? – попытался узнать Титовец.

– Вы что, не поняли?! Марусю убили! – всхлипнула Серафима Карловна.

– Полиция там? – спросил Рублев.

– Там, там, – кивнула Серафима Карловна. – Но им я не хочу ничего говорить. А вам скажу. Вам я скажу, потому что знаю, знаю, кто их убил.

– И кто же их убил? – спросил Рублев, понимая, что Серафима Карловна не успокоится, пока не вывалит на них всю известную ей информацию.

Серафима Карловна остановилась, оглянулась и, понизив голос, сообщила: – Это Колян. Из ревности. У Маруси был любовник, Колян, сущий алкаш. А когда у нее Санек появился, Колян несколько раз приходил и сцены устраивал. Маруся сама мне жаловалась.

– А где его, этого Коляна, найти? – поинтересовался Рублев.

– Я потом вам все расскажу и покажу, – пообещала Серафима Карловна и добавила: – А теперь тише... нас там ждут.

Дверь в квартиру была не заперта. Внутри царил беспорядок. Очевидно, хозяйка вечером или ночью вела с кем-то довольно бурный диалог, свидетельством чему были разбитые тарелки и бутылки, перевернутые стулья и стол, обрывки газет, раздавленные прямо на полу помидоры. Труп, уже накрытый простыней, лежал на диване. Эксперт вертел в руках, облаченных в резиновые перчатки, окровавленный кухонный нож.

– Что, тоже ножевое? – спросил Рублев у эксперта, высокого, худощавого, чуть сутулого парня в очках.

Тот, не поворачиваясь, кивнул и, очевидно посчитав, что интересуется кто-то из своих, добавил:

– И снова работал профессионал.

– То есть? – попросил уточнить Рублев.

– Да вижу знакомый почерк десантуры, – хмыкнул эксперт и попытался имитировать ножевой удар.

– А вы что, в десанте служили? – с недоверием в голосе поинтересовался Рублев.

Эксперт покачал головой и только теперь повернулся.

– А вы вообще-то кто такой? – спросил эксперт, увидев незнакомого мужчину.

– Я тот, кто может точно оценить профессионализм удара, – ответил Рублев.

– Вы служили в десанте? – спросил эксперт.

Рублев кивнул.

– И что скажете? – поинтересовался эксперт, приподнимая простыню, прикрывавшую труп.

Рублев глянул и нахмурился:

– Там, в подвале, я думал, что мне показалось, – сказал он, – но теперь я уверен, что мне знаком этот удар. Я видел точно таким образом убитых душманов.

– Так вы, может, знаете, кто убийца?

– Нет, – покачал головой Рублев, – убитых этим бойцом душманов видал, а кто он – не знаю. Может, ты, Василий, в курсе? – спросил он у Титовца.

Тот, похоже, даже не услышал вопроса, поскольку сосредоточенно разглядывал стоящие на серванте резные фигурки.

Наконец он снял одну из фигурок и показал Рублеву:

– Вот эти солдатики мне точно знакомы.

– Это римские воины? – уточнил Комбат.

– Ну да, вырезанные из мыла римские легионеры. И я их точно видел. Но где, сейчас не вспомню. – пробормотал Титовец.

– Надо бы вспомнить, – серьезно сказал Рублев. – Обязательно надо вспомнить...

Солдатики были вырезаны из куска обычного белого мыла. Это была и вправду ювелирная работа, требующая мастерства и выдержки.

– Этих солдатиков Марусе Санек подарил, – поспешила включиться в разговор Серафима Карловна. – Она мне как-то хвасталась.

– И это Санек их вырезал? – спросил Рублев.

– Не знаю, наверное, – пожала плечами Серафима Карловна, сняв с серванта второго легионера.

– Вам же ясно сказали: ничего не трогать! – зло одернул их следователь, молодой черно-волосый невысокий мужчина, который до этого был, очевидно, занят осмотром квартиры.

Рублев, не собираясь вступать ни с кем в пререкания и бросив на ходу Василию, что будет ждать его на улице, вышел из квартиры.

Возле подъезда стоял полицейский «уазик», а на лавочке сидели Мария Митрофановна с Жулькой на поводке и еще одна соседка – пожилая и вечно всем недовольная Варвара Семеновна. Она выглядела гораздо старше «вездесущей Серафимы» и Марии Митрофановны, а они, похоже, не очень любили ее общество. Но сейчас две пожилые женщины что-то оживленно обсуждали.

Рублев поспешил отойти в сторону. Ему просто необходимо было осмыслить происходящее. Еще утром, отправляясь на пробежку и вдыхая полной грудью свежий осенний воздух, он совсем иначе представлял себе сегодняшний день: встреча со старым другом, душевный разговор, горькие, но дорогие воспоминания. А тут сразу два убийства, «вездесущая Серафима» и Василий Титовец, которого, похоже, тоже угораздило влипнуть в какую-то историю.

Неожиданно на огромной скорости во двор влетел и резко затормозил у подъезда белый микроавтобус с затемненными стеклами. Из него выскочили пятеро парней с автоматами в униформе и черных масках. Что-то в их облике насторожило Бориса. Ему показалось, что новые «гости» «не тянут» на спецназовцев. Когда же из микроавтобуса выскочил водитель – накачанный бритоголовый невысокий крепыш, руки которого были сплошь покрыты наколками, Рублев понял, что подозрения его вполне обоснованны. Как только маски-шоу скрылись в подъезде, Рублев поспешил за ними.

Дверь в квартиру, которую всего несколько минут назад покинул Борис, кто-то то ли случайно, то ли специально запер изнутри. Внутри вовсю шла перестрелка.

Вдруг дверь резко распахнулась, и Рублев, который интуитивно просчитал подобную ситуацию и поднялся вверх по лестнице, увидел тех же «спецназовцев», которые спешно покидали квартиру, вынося на руках одного из своих, истекающего кровью.

В квартире все было перевернуто вверх дном. На полу в прихожей лежал серьезно раненный эксперт. Над ним сидел, пытаясь хоть как-то помочь, следователь с пистолетом в руке. Василий Титовец стоял, прижавшись спиной к стене, и напряженно высматривал через распахнутое окно кого-то на улице.

– Что здесь случилось? – спросил Рублев.

– Вызывайте «скорую»! – распорядился следователь, а затем, доковыляв до окна, из которого доносился гул мотора отъехавшего микроавтобуса, крикнул водителю «уазика»: – Чего стоишь?! Догоняй! Это не спецназ!

Тем временем из-под стола выползла Серафима Карловна.

Почему-то понизив голос, она сообщила:

– Я вызвала «скорую».

– Спасибо, – кивнул ей следователь.

– Кто это был?! – возбужденно поинтересовалась Серафима Карловна. – И что им было нужно?

– Кто ж их знает, – покачал головой Титовец. – Форма и маски у них старые, будто какой-то военный склад грабанули.

– Они что-то искали, – догадалась Серафима Карловна.

Рублев посмотрел на растоптанных на полу мыльных солдатиков.

Титовец перехватил взгляд Рублева и, понизив голос, сообщил:

– Я вспомнил, где я видел точно таких солдатиков.

Рублев, оглянувшись на Серафиму Карловну, которая не то проверяла, работает ли ее мобильник, не то пыталась кому-то дозвониться, поспешил отвести Василия подальше.

– Это было в госпитале. Помнишь, я там с месяц валялся после ранения, – продолжил Титовец.

Рублев кивнул.

– Да, так вот там у нас была медсестричка Поля. За ней многие пытались ухаживать. А один боец, его, кажется, Костей звали, подарил ей точно таких же вырезанных из мыла солдатиков. Она их взяла и сказала: «Павлику своему отнесу. Ему понравится». Так мы все узнали, что у Поли есть сын Павлик. Что потом было, я не знаю. Выписался.

– Но Марусе этих мыльных солдатиков вроде как подарил Санек.

– Да-да, Санек! Маруся сама мне хвасталась! – опять встряла в разговор Серафима Карловна.

Но тут в квартиру вбежали врачи и полицейские, которых, очевидно, привез водитель, пытавшийся догнать микроавтобус с фальшивыми спецназовцами. «Вездесущая Серафима» тут же поспешила к ним.

Рублев и Титовец, который все чаще поглядывал на часы, не стовариваясь, покинули квартиру.

Глава 2

Когда муж, не предупредив, в очередной раз куда-то смылся, Лиза Малиновская подумала о том, что лучшее, что она от него получила, это фамилию.

«Лиза Малиновская», конечно же, звучало более благозвучно, чем «Лиза Рубинштейн». Хотя отчим, который подарил им с матерью не только более чем безбедную жизнь, но и свою, уже увековеченную в верхних строках «Форбса» фамилию, даже немного обиделся, когда Лиза, которую он баловал, как родную дочь, выйдя замуж, поспешила перейти на фамилию своего избранника – молодого сотрудника его дочерней фирмы. Но приданое, которое отчим дал приемной дочери, от этого не уменьшилось. Загородный дом, две машины, солидный счет в банке позволяли молодым жить, не думая о завтрашнем дне. Господин Рубинштейн, который начинал в лихие девяностые с обычных, простейших «купи-продай» операций, считал, что зять должен работать, и отдал ему в управление ту самую дочернюю фирму, в которой тот работал. Александр Малиновский по образованию был программистом и среди коллег считался одним из самых продвинутых специалистов. Но если как программист Малиновский шел от успеха к успеху, то как организатор и руководитель он оказался беспомощным. К тому же его бывшие сослуживцы, преимущественно представительницы слабого пола, всякий раз старались напомнить ему о том, благодаря чему он стал над ними начальником.

Самым же неприятным для Лизы было то, что на светских раутах ее бывшие подруги, девушки из высшего общества, откровенно смеялись над Малиновским, особенно когда он напивался, в чем, очевидно, сказывалась дурная наследственность: его мать, как он сам признался ей еще перед свадьбой, была алкоголичкой. Воспитывали его бабушка и тетя, но при этом Малиновский окончил математическую школу, получил прекрасное университетское образование. И если бы не случайное знакомство с Лизой, очаровательной, яркой блондинкой модельной внешности, с огромными голубыми глазами, вполне возможно, он бы уже давно укатил за границу, где компьютерщики его уровня ценились на вес золота.

Лиза ко времени их знакомства тоже получила блестящее образование: она окончила МГИМО, владела несколькими языками и даже интереса ради поработала на одной из принадлежащих отчиму фирм переводчицей. Малиновский приехал как-то устанавливать новые программы на ее домашний компьютер, потом они случайно встретились в одном из ночных клубов, и понеслось. Лиза с детства привыкла к тому, что ей всегда покупали все, что она хотела. Александр Малиновский, красивый, умный, обходительный, а главное, как ей показалось, абсолютно равнодушный к ее положению в обществе и богатству, стал для нее не то новой игрушкой, не то непреодолимой страстью. Так или иначе, Лиза очень скоро почувствовала, что жить без него не может.

Свадьба, медовый месяц, переезд в новый дом... Лиза была влюблена и старалась не обращать внимания на неприятие ее избранника матерью и отчимом, насмешки подруг. А Малиновский чем дальше, тем больше комплексовал. Ведь его хозяин, а теперь еще и тесть неустанно давал ему понять, что терпит молодого человека лишь из-за Лизы, которой тот недостойн.

Лиза тоже начала нервничать, срываться. А потом вдруг Малиновский стал пропадать из дому. На неделю, две. Иногда всего на несколько дней. Говорил, что ездил зарабатывать деньги. И действительно привозил немалые суммы. Именно привозил. Деньги не перечисляли ему на счет, а почему-то выдавали в серебристом, запертом на кодовый замок дипломате. Об этих деньгах Лиза никому не рассказывала, а Малиновский, страшно усталый, но счастливый, разрешал молодой жене потратить их все на себя.

Как раз в это время у них в доме появился новый охранник Константин. Этот высокий мускулистый, стриженный под ноль молодой человек в отсутствие Малиновского сопровож-

дал Лизу в город и так зазывно поигрывал бицепсами, что в конце концов госпожа Малиновская сама не заметила, как заволокла его в свою постель. Они стали любовниками. Более того, Лиза доверилась Константину настолько, что попросила последить за Малиновским и выяснить, куда же тот исчезает и откуда привозит чемоданы денег. О том, что будет дальше, Лиза старалась не думать. Развод сейчас для нее был бы не лучшим решением. Она представляла, как будут издеваться над ней все родные и подруги, напоминая, что предупреждали ее о том, что красавчик Малиновский – герой не ее романа.

Теперь Лиза, сидя за сервированным на двоих столом, ожидала свой утренний кофе и нервно теребила салфетку. Эту привычку не смогли вытравить из нее ни мать с отчимом, ни нянечки. Лиза надеялась, что если не Малиновский, который ведь мог появиться так же неожиданно, как исчез, то хотя бы охранник Константин разделит с ней завтрак. Но кофе Лизе пришлось пить в одиночестве.

Горничная Алевтина, строгая, энергичная, хотя ей было далеко за сорок, женщина, налила Лизе в чашку кофе из дымящейся джезвы и поставила ее на специальную подставку на столе.

С детства приученная жить с прислугой, Лиза во взаимоотношениях с горничными, поваром или садовником никогда не переходила черту. Ей и в голову не могло прийти пригласить Алевтину присесть с ней за стол. Константин был, пожалуй, единственным исключением. Лиза еще не знала, какие последствия эта ее связь будет иметь. Кто-то из подружек рассказывал ей, что теперь модно стало устанавливать потайные видеокамеры, с помощью которых хозяева наблюдают за прислугой, мужа за женами, а родители за детьми. И если отчим тоже поставил в этом подаренном ей доме видеокамеры, то, вполне возможно, он уже в курсе ее связи с охранником. Но тогда остается непонятным, почему он никак на это не реагирует.

– Алевтина! – окликнула Лиза горничную, которая уже собиралась уходить. – Вы не знаете, где Константин?

– У него сегодня выходной, – сухо и, как послышалось Лизе, с издевкой ответила Алевтина.

– Как только он появится, попросите его зайти ко мне, – распорядилась Лиза.

– Конечно, – так же сухо пообещала Алевтина и спросила: – Я могу идти?

– Да, спасибо, – кивнула Лиза, сделала несколько глотков кофе и задумалась.

Малиновский так и не появился. И она, увлеченная Константином, даже не могла сказать, сколько точно дней его не было. Константин же обычно всегда предупреждал ее о своем отъезде в город заранее. Лиза поймала себя на том, что отсутствие Константина тревожит ее больше, чем отсутствие Малиновского.

С той минуты, когда Константин впервые дотронулся до ее тела, будто заряд пробежал между ними. Как только она пускала свои чувства и мысли на самотек, они стремительно возвращались к одному и тому же. Это произошло в бассейне. Она случайно поскользнулась и упала в воду. Как раз в этот момент Константин зашел, чтобы что-то ей передать, и, решив, что она не умеет плавать, бросился в воду – в чем был, в брюках и рубашке, которая потом, когда он вытащил Лизу из воды, так сексуально прилипла к его накачанному телу.

Константин на руках отнес ее в спальню. И вместо искусственного дыхания начал целовать, целовать... все ниже и ниже... Она не помнила, как он снял мокрую рубашку и брюки, не помнила, как уже она целовала его все ниже и ниже... Она помнила только эту сладкую дрожь до изнеможения, до полного растворения друг в друге. Ей запомнился запах его тела, живого, подвижного, любящего и желанного, желанного до дрожи. После того, что у них было с Константином, жизнь с Малиновским казалась ей пресной. Красавчик Малиновский в постели был педантичен, неизобретателен, а в последнее время вообще, как ей казалось, думал о чем-то своем. Если он и бывал страстен, то эти порывы относились совсем не к ней.

Лиза отлично понимала: даже если она разведется с Малиновским, Константин никогда не станет ее мужем. Если отчим с матерью не приняли даже Малиновского, программиста с высшим образованием, то охранника с неопределенным прошлым не подпустят к ней и близко.

Константин, как однажды он проговорился, служил где-то в горячей точке, был ранен. Отчиму, подыскивавшему для дома охранника, его рекомендовал кто-то из прежних боевых товарищей. Он отлично знал, как беспокоят Лизу частые отлучки Малиновского. Но ведь именно в то время, когда Малиновский исчезал, Лиза и Константин могли быть вместе. На данный момент такое положение вещей обоим вполне устраивало. Ведь если окажется, что у Малиновского появилась любовница или он проворачивает какие-то темные делишки, это выплывет наружу. Тогда отчим с матерью просто вынудят ее развестись. Отчим, как обычно поступали в подобных случаях его друзья, а точнее, враги по бизнесу, тут же сосватает Лизу за какого-нибудь сына олигарха, и тогда ей придется распрощаться с Константином. Ведь сколь лопухвистым ни будет ее новый муж, он легко их вычислит. Тогда и Константину, и ей несдобровать. А Константин уже стал для Лизы чем-то вроде наркотика. Он смел, изобретателен, в меру жесток и ласков – в общем идеальный любовник.

Конечно, о ее связи с Константином отчиму или матери мог рассказать кто-то из прислуги, но обычно горничные и охранники с опытом, прежде чем сообщить о романе, пытаются шантажировать самих героев. А пока никто с подобными предложениями к Лизе не обращался.

Лиза допила кофе и окинула взглядом столовую. Светло-желтые, лимонные стены, в тон им шторы, резная мебель из светлого дерева даже в сумрачный дождливый осенний день создавали ощущение праздника. Малиновский, однако, говорил, что светлые тона любят лишь старики. Свою комнату, где он сидел за компьютером, Малиновский перекрасил из нежного персикового в унылый серо-фиолетовый цвет и утверждал, что именно в такой комнате удобнее всего работать и снимать напряжение. Чего-чего, а напряжения у Малиновского хватило бы на четверых. Несмотря на то что с детства он рос более чем в спартанских условиях, а, может именно из-за этого Малиновский раздражался по всякому поводу и без. У него то никак не мог найтись второй носок, то галстук не подходил к костюму, то крем для обуви был не тот. А что уж говорить о светских раутах, которые он терпеть не мог. Но появиться на подобном мероприятии Лизе без супруга означало вызвать повышенный интерес не только у родственников и знакомых, но и у вездесущих папарацци.

Вот и сегодня вечером Лиза, хочет она того или нет, просто обязана присутствовать на открытии нового бизнес-центра. Малиновский, которого на службе во время его отлучек умело прикрывал его зам, тоже должен был присутствовать на этом мероприятии и отлично знает это. Лиза была уверена, что, если с ним ничего серьезного не случилось, он непременно там появится.

Подобное уже случалось – как-то раз Малиновский пропал на неделю, а потом всплыл аккуратно на дне рождения матери. Хорошо, что Лиза не осталась дома, сказавшись больной, как собиралась вначале. Супруги встретились на празднике и как ни в чем не бывало вместе поздравили мать с днем рождения. Подарок привезла Лиза, Малиновский же, как всегда, вдрызг напился, а дома вручил ей чемоданчик с деньгами.

Лиза вздохнула. С Малиновским, если он появится, можно будет встретиться и на открытии бизнес-центра, а вот Константина ей хотелось видеть сейчас. После кофе, который Константин обычно приносил ей в постель, хотелось продолжения. Ведь секс, да еще с таким мацо, как Константин, придавал ей не только уверенности в себе, но и силы. А силы ей теперь так как были нужны. Ее мама утверждала, что секс могут заменить лишь две вещи – сра-салон и шопинг. Шопингом, да еще без Константина, Лизе заниматься совсем не хотелось. И она решила отправиться в сра-салон. До обеда можно будет пройти несколько процедур, привести себя в порядок. После обеда останется время на то, чтобы выспаться, подкраситься и отправиться на открытие бизнес-центра.

Подумав, что нужно ехать в город, Лиза опять расстроилась. Вызывать водителя, пожилого строгого дядьку, который, как и Алевтина, педантично исполнял свои обязанности, Лизе не хотелось. Достаточно, что вечером он повезет ее на открытие бизнес-центра. Оставалось одно – самой сесть за руль. Мысль о том, что сейчас она оседлает свою белую ласточку, новенькую «ауди», воодушевила Лизу, настроение улучшилось. Константин, который был отменным водителем, показал ей несколько весьма интересных штучек, которые ей не терпелось опробовать на дороге. Учитывая, что шел дождь, прилив адреналина был обеспечен.

Лиза надела свои любимые джинсы, кроссовки и уже собиралась выходить, как раздался звонок. Дежуривший у ворот охранник, очевидно переговорив с незванным гостем, сообщил:

– Елизавета Марковна, к вам господин Митин. Говорит, что срочно.

– Да, впустите, – сказала Лиза, чувствуя, что не может побороть волнение.

Геннадий Митин и был тем самым заместителем Малиновского. Он очень редко бывал у них дома, и этот его неожиданный визит не мог сулить ничего хорошего.

Молодой человек, войдя в прихожую, стянул с головы капюшон куртки и снял запотевшие очки. Он был чем-то озабочен или даже встревожен. В руке у него был серебристый чемоданчик, такой же, в каком Малиновский приносил деньги. Это насторожило Лизу.

– Здравствуйте, Елизавета Марковна, – сказал Митин, не поднимая глаз.

– Здравствуйте, – кивнула Лиза. – Что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось, – покачал головой Митин. – Все в порядке. Вы же знаете, Александр Александрович в командировке. А мы, как всегда, справляемся.

– Когда он должен вернуться? – спросила Лиза.

– Сегодня, – все так же не поднимая глаз, сказал Митин. – Сегодня же открытие бизнес-центра. Он должен там быть.

– Вы приехали сюда в такой дождь лишь для того, чтобы сообщить мне о том, что мой муж в командировке? – спросила Лиза, не скрывая иронии и при этом не спуская взгляда с серебристого дипломата.

– Нет-нет, – смутился Митин. – Я приехал передать вам вот это.

Он глянул на чемоданчик и поставил его на пол.

– Сегодня утром к нам приехал человек и привез этот кейс для Александра Александровича. Он попросил передать его ему лично в руки или жене, вам то есть. Я побоялся оставлять его в офисе и решил доставить вам. Когда Александр Александрович вернется, вы ему его передайте, – проговорил Митин каким-то тихим заискивающим голосом.

– Хорошо, спасибо, – кивнула Лиза и предложила: – Может, кофе или чаю?

– Нет-нет, – покачал головой Митин. – Меня водитель ждет.

Когда Митин ушел, Лиза взяла дипломат, положила его на стол и внимательно изучила кодовый замок. Так и не изловчившись его открыть, Лиза поднялась на второй этаж и спрятала дипломат в сейф. Затем она спустилась вниз и, выйдя на улицу, направилась в гараж.

Через пятнадцать минут она уже мчалась на своей белоснежной «ауди» по направлению к столице.

Время было хорошее: утренние пробки уже рассосались, обеденные еще не образовались. В спра-салоне посетителей почти не было. Лиза знала, что дамочки, имеющие средства для посещения подобных заведений, в дождь предпочитают оставаться дома. В крайнем случае пригласят массажиста или кого-то еще из специалистов на дом. Но Лизе хотелось развеяться. Этим спра-салонем под названием «Клеопатра» владела мамина хорошая знакомая Елена Ромуальдовна Кныш. После смерти мужа она серьезно занялась бизнесом и сумела создать по настоящему райский уголок.

Впервые мать привела ее сюда, когда ей исполнилось восемнадцать. Это был своеобразный подарок. Лиза могла опробовать все, что пожелает, за исключением, конечно, довольно неприятных процедур для стареющих дамочек. Еще тогда Лизе больше всего понравилось не

шоколадное обертывание и гидромассаж, а джакузи с лепестками роз – полумрак, мягкая приятная музыка, легкий цветочный аромат. Со временем Лиза приучила себя оставлять эту самую приятную для нее процедуру, как говорится, на закуску. После всех чисток, массажей, обертываний и ванночек она отправлялась понежиться в джакузи. Иногда под настроение она запускала плавать свечи. Эта ванна доставляла наслаждение не только телу, но и душе.

Лиза немного успокоилась, и ее мысли приобрели определенность и ясность. Ее больше не занимали ни пропавший Малиновский, ни даже Константин, видеть которого она так страстно желала всего несколько часов назад. Чемоданчик, металлический дипломат – вот что терзало ее ум. Лиза так смело, не задумываясь, спрятала его в сейф, а ведь там могло быть взрывное устройство. Лизу даже передернуло, но она тут же отогнала эту мысль подальше. Там были деньги. Много денег. Появится Малиновский или нет, их нужно будет как-то достать. И тут ее будто осенило. Малиновский мог использовать для этого чемоданчика тот же код, что и для сейфа. А она знала, знала код для сейфа! Значит, и чемоданчик сможет открыть. Лиза вылезла из ванны и укуталась в большое махровое полотенце. Взглянув на висящие на стене часы, она поняла, что, если заказать сейчас парикмахера и маникюршу на дом, до их приезда можно успеть проверить, верны ли ее догадки.

Если в дипломате действительно лежат деньги, ей хотелось перепрятать их куда-нибудь в более надежное место. Еще отчим приучил ее хранить крупные деньги на депозите или в крайнем случае в банковской ячейке, но никак не дома. Даже на самую честную прислугу, как любил повторять отчим, обязательно найдется парочка ее друзей-проходимцев, которые, если захотят, найдут способ добыть и драгоценности, и деньги хозяев.

Следуя советам отчима, Лиза предпочитала пользоваться пластиковой карточкой. Она всегда одевалась добротно, но скромно, хотя в ее гардеробе было несколько и вправду эксклюзивных вещей. Но если Лизе нужно было где-то показаться в вечернем платье от Dolce&Gabbana или Versace с прилегающими к ним бриллиантовыми украшениями, ее, кроме отчима или мужа, обязательно сопровождал личный охранник. Он же обычно привозил ей перед самым выездом в свет и украшения, хранящиеся в банковской ячейке. Поскольку в этот раз ни мужа, ни охранника не было, а появиться на открытии бизнес-центра нужно было если и не при полном, то хотя бы при относительном параде, Лиза сначала рассчитывала побольше понежиться в спа-салоне, а потом заехать на их с Малиновским супружескую городскую квартиру, которая теперь пустовала. Там в шкафу висели несколько весьма подходящих для случая нарядов. И украшения, не слишком дорогие, но весьма пристойные, там тоже можно было найти.

Но теперь, когда Лизе показалось, что она поняла, какой именно должен быть код в чемоданчике, ей не терпелось проверить свою догадку.

– Елизавета Марковна, вы уже? Почему так скоро? Может быть, я что-то не так сделала? – взволнованно спросила миловидная девушка, которая готовила ванну.

В ее голосе слышалась неподдельная тревога. Лиза понимала, что весь персонал салона знает, что она не простой посетитель, и, если что-то ей не понравится, это тут же станет известно хозяйке. Можно было, конечно, как это делают многие дамы их круга, никак не прокомментировать свой уход. Пусть бы мучились. А в следующий раз были бы еще более обходительными и внимательными. Хотя неизвестно, можно ли быть более обходительными и внимательными. Но ей не хотелось оставлять такую действительно хорошую, с, как теперь модно говорить, доброй аурой сотрудницу в неведении. Поэтому Лиза улыбнулась и покачала головой:

– Нет-нет, просто мне нужно раньше уехать.

– Уже?! – почему-то еще больше напряглась девушка. – Но вы же обычно еще делаете и другие процедуры... Вас же там тоже ожидают.

– А вы, как я вижу, все про всех знаете? Или только про меня? – уже натягивая джинсы, заметила Лиза, чем еще больше смутила девушку.

Та дернула плечом и пробормотала:

– Ну почему...

– Знаете, если вы такая осведомленная, попросите, чтобы мне через полтора часа прислали парикмахера и маникюршу. Адрес у вас есть, – попросила Лиза, решив все же подсушить волосы.

– А куда прислать: в ваш загородный дом или в городскую квартиру? – уточнила девушка, опять показав свою осведомленность.

– За город, – кивнула Лиза и, когда девушка вышла, включила фен.

Как будто почуяв неладное, Лиза, не прошло и минуты, отключила фен. В воцарившейся тишине ясно прозвучал голос излишне осведомленной девушки, разговаривавшей с кем-то по телефону:

– Она едет в свой загородный дом. А что я сделаю? Не могу же я держать ее здесь силой... Но она вызвала маникюршу и парикмахершу...

Девушка за стеной закончила свой разговор, и Лиза вернулась к своей процедуре. Она досушила волосы, при этом прикидывая, с кем говорила эта девушка. Учтя, что муж так и не дал о себе знать, а дома в сейфе лежит неизвестно кем переданный дипломат, Лиза сочла все это более чем подозрительным. Но об этом думать не было времени. Когда Лиза вышла из раздевалки, девушки нигде не было видно. На всякий случай она подошла к администраторше, углубившейся в чтение глянцевого журнала, и уточнила:

– Простите, вам передали срочный вызов на дом парикмахера и маникюрши?

– Угу, – буркнула женщина, не отрываясь от журнала.

Лиза вздохнула и вышла на улицу. Дождь усиливался. Лиза решила не отступать от намеченного плана. Уже через каких-то полчаса она была дома.

Горничная Алевтина, которая никак не ждала хозяйку к обеду, удивленно вскинула брови, но, пока Лиза снимала промокшую одежду и приводила себя в порядок, накрыла на стол. Правда, теперь поставила не два, как к завтраку, а всего один прибор.

– Вам бульон сразу наливать или вы еще не за стол? – спросила Алевтина.

Лиза задумалась. Горячий бульон в такую погоду был бы как раз кстати. Но ей не терпелось открыть спрятанный в сейф дипломат. Она попросила:

– Давайте через полчаса.

– Хорошо, – пожала плечами Алевтина.

Лиза поднялась в кабинет. Они с Малиновским называли его зеленой комнатой. Отчим специально оборудовал ее для работы. Комната была довольно просторной, с выходом на террасу и огромными, от потолка до пола, окнами, которые сейчас были занавешены тяжелыми, из зеленого бархата шторами. Здесь стояли солидные книжные шкафы с неплохим подбором специальной литературы и по программированию, и по бизнесу, письменный стол с самым новейшим компьютером, удобный, обтянутый темно-зеленой кожей диван, кресло с торшером и, главное, платяной шкаф, в котором и был спрятан сейф. Лиза открыла шкаф, набрала код, достала из сейфа заветный дипломат, поставила его на стол и еще раз набрала те же самые цифры. К ее великой радости, замок щелкнул. Лиза открыла крышку. Дипломат, как она и предполагала, был наполнен пачками долларов. Наверху лежал конверт, на котором красивыми витиеватыми буквами было написано: «Александр М-скому. Легион».

Лиза разорвала конверт и достала сложенный вдвое лист белой бумаги с вензелями и видными на просвет буквами «Л». Написанный от руки тушью текст привел Лизу в полное замешательство.

«Ты опять победил. В этот раз ты смог провести даже механика. Деньги легиона принадлежат тебе по праву. Легион гордится тобой, воин! Отныне ты переходишь на новый уровень. Жди связного. И не прогляди механика, который может подойти к тебе слишком быстро».

Самой разобраться в этом на первый взгляд абсолютно бредовом послании было невозможно. И показать его Лизе теперь было некому, ведь пропал не только Малиновский, которому этот текст был адресован, но и Константин, которому она в последнее время доверяла почти все свои тайны. Оставался еще отчим. Но кто знает, как он отреагирует на то, во что ввязался Малиновский. С матерью и вообще с женщинами о мужских делах, ясное дело, лучше было не говорить. Лиза почувствовала, как не хватает ей отца, ее настоящего, пусть не такого богатого, как отчим, но умного и решительного, а главное, любящего ее человека. Во всяком случае, то, что он любит ее, отец повторял при каждой их встрече. Хоть редко, но они тайком от мамы и отчима встречались все эти годы. Ее настоящий отец, капитан дальнего плавания Марк Петрович Разин, жил теперь в Петербурге и после ухода в отставку подрабатывал ночным сторожем. Вторая его жена была медсестрой. У них рос сын Сенька, которому недавно исполнилось шестнадцать лет. Как Лиза ни допытывалась, ни мама, ни отец никогда не рассказывали ей, из-за чего они расстались. Об их совместной жизни, о которой у Лизы практически не осталось никаких воспоминаний, они тоже говорить не хотели. Сколько Лиза себя помнила, они с мамой жили в Москве у бабушки, которая отца почему-то не любила. Когда он возвращался из плавания, они вместе ходили в кафе или парк, а потом мама отправлялась с ним в Петербург, тогда еще Ленинград, а Лиза оставалась с бабушкой. Потом в жизни мамы появился Рубинштейн. Бабушка вскоре умерла, и они перебрались к отчиму.

Отец сам разыскал Лизу, когда ей исполнилось восемнадцать лет, тогда он как раз вышел в отставку. Марк Петрович встретил ее в университете, при выходе из аудитории, с огромным букетом роз. Поскольку после лекций за Лизой обычно приезжал водитель, ей пришлось пропустить лекцию, чтобы посидеть с отцом в кафе. Матери она решила ничего не говорить, но с тех пор общалась с отцом регулярно.

И теперь, когда Лиза поняла, что самой ей с этим адресованным пропавшему Малиновскому письмом не разобраться, она вспомнила об отце и решила не откладывая в долгий ящик позвонить ему. Но как только она взяла в руки мобильник, в дверь кабинета тактично, но настойчиво постучали. Лиза закрыла дипломат и, поставив его в сейф, прикрыла дверцу шкафа, в котором он был спрятан.

Она сама подошла к двери и поняла, что не заперла ее. На пороге стояла Алевтина.

– Там парикмахер и маникюрша прибыли, а охранник сказал, что отлучится на пару минут, да что-то его нет и нет, – сказала она, как всегда, сухо и бесстрастно. – Их впустить?

– Да, конечно, – кивнула Лиза, удивившись, что так быстро пролетело время.

– А как же обед? Бульон? – спросила Алевтина.

– Нет, – покачала головой Лиза, понимая, что теперь ей уж точно не до еды, – обедать я не буду. – И, натолкнувшись на обиженный взгляд Алевтины, добавила: – Во всяком случае, в ближайшие полчаса. Может, перед отъездом. А сейчас мне нужно привести себя в порядок. У меня вечером важное мероприятие.

Алевтина пошла отпирать ворота. Лиза же отправилась в гостиную, где обычно принимала маникюршу и парикмахера. Эту гостиную отчим, а скорее всего, мать почему-то решили оформить в неприятно блеклых, хотя мать называла их пастельными, тонах.

Лиза устроилась в кресле, рассчитывая побыстрее «навести марафет» и все-таки позвонить отцу в Питер и попросить его приехать. Или лучше самой съездить туда.

Но тут произошло то, чего Лиза никак не могла ожидать. Вместо парикмахера и маникюрши в комнату ворвались трое молодчиков в камуфляже и натянутых на лица черных масках.

Лиза от неожиданности едва не обомлела и машинально потянулась за мобильным, но ее опередил один из незваных гостей. Он выхватил телефон у нее из рук и резко сказал:

– Тебе придется проехать с нами!

– Куда? Кто вы такие? – испуганно спросила Лиза.

– Все скоро узнаешь! – сказал тот же качок в камуфляже и грубо сдернул Лизу с кресла.

– Дайте мне хотя бы одеться... – попросила Лиза.

– Одежду тебе папаша твой привезет вместе с денежками! – продолжал грубиянить качок.

– Какой папаша? – не сразу сообразила Лиза, которая только что думала о своем настоящем отце, проживавшем в Питере.

– А что, у тебя их несколько? – хмыкнул качок.

– Нет-нет, – поспешила вставить Лиза, – конечно, один...

Ей совсем не хотелось подставлять своего настоящего, питерского отца. Если дело шло о деньгах, о выкупе, то он тут явно был ни при чем. А отчим всю Москву на уши поставит, но найдет способ, как ее освободить. Лиза почему-то была в этом непоколебимо уверена.

Когда ее, так и не дав ей одеться, в домашнем халате и тапочках, втолкнули в стоявший во дворе микроавтобус, который, как только туда залезли все парни в камуфляже, резко рванул с места, Лиза с ужасом подумала, что там, в кабинете, в шкафу, в незапертом сейфе, остался дипломат, где лежат деньги и, главное, это непонятное письмо, которое, она это чувствовала, никак не должно попасть в руки отчиму. Но сделать она уже ничего не могла. Микроавтобус увозил ее в неизвестном направлении.

Глава 3

Уже по стуку в дверь полковник ГРУ Бахрушин понял, что сейчас на пороге его кабинета появится «Навуходоносор». Вчера на шашлыках ему очень понравилось это слово. Внучка его недавно вышедшего на пенсию сослуживца так обозвала мальчика, который пожаловался дедушке о том, что она его дразнила. Одна из присутствующих дам тут же начала рассказывать о том, что так звали древнего правителя, который построил для своей возлюбленной дворец с висячими садами. Но эта история полковника не заинтересовала, а вот слово «Навуходоносор» ему понравилось. Он по стуку в дверь и следующей за ним долгой паузе узнавал сотрудников, которые приходили не докладывать, а наушничать. Но, будучи опытным сотрудником ГРУ, полковник Бахрушин отлично понимал, что не имеет права отказываться ни от какой информации. Свое личное отношение, приязнь-неприязнь он всегда надежно прятал под маской расположенности и внимания. Старший лейтенант Кориков, недавно появившийся у них в ведомстве невысокий юркий кареглазый блондин, был у него в кабинете с докладом всего пару раз и обязательно находил повод понаушничать, донести до него конфиденциальную, практически не относящуюся к теме их основного разговора информацию. И при этом, как заметил полковник Бахрушин, старший лейтенант очень внимательно следил за его реакцией. Но полковник был, как говорится, стреляным воробьем и свои мысли и чувства умел держать при себе. Особенно когда это касалось коллег из соседнего отдела.

– Можно? – спросил Кориков, поспешно входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Бахрушин кивнул.

– У меня для вас очень важная информация, – чуть понизив голос, сказал старший лейтенант.

– Во-первых, здравствуйте, – прервал его Бахрушин. – А во-вторых, старший лейтенант, давайте чуть скорее. А то обед, очень кушать хочется.

– Да, я знаю, я специально выбрал время перед обедом, когда наши из отдела все разойдутся. Информация крайне конфиденциальна... – Кориков почти перешел на шепот.

Полковник Бахрушин, хотя сам владел несколькими иностранными языками, терпеть не мог, когда без повода вставляли иностранные словечки. И здесь не удержался и уточнил:

– Секретная, секретная информация.

– Ну да, секретная, – кивнул старший лейтенант, садясь за стол и раскрывая черную папку.

– Давайте поскорее, – попросил полковник, глянув на часы. – Не только же вашему начальству, но и мне обедать пора.

– К нам в отдел поступил сигнал. Мне кажется, он чрезвычайно важен. Но шеф никак на него не отреагировал. Я нашел папку со своим докладом среди дел, отложенных в долгий ящик, – обиженно проговорил Кориков, протягивая полковнику ксерокопии нескольких исписанных неровным, похоже, старательно измененным почерком листочков.

Полковник Бахрушин отлично понимал шефа старшего лейтенанта Корикова полковника ГРУ Володина. Тот в молодости бывал в таких переделках, что этому Корикову, который пришел в их ведомство со студенческой скамьи, и не снилось. И теперь, собираясь со следующего года уходить в отставку, он, надо полагать, не хотел заниматься делами, которые требуют много времени и сил, и предпочитал оставлять их для тех, кто придет после него. Но у полковника Володина было еще одно качество, которому можно было позавидовать: он умел отсеивать «мусор», то есть те сообщения, которые не имели и не могли иметь важного содержания или попросту были липой.

Старший лейтенант Кориков наверняка об этом не знал, и Бахрушин очень сомневался, что дело, которое полковник Володин отложил в долгий ящик, сможет его заинтересовать. Но Кориков, очевидно заметив, что Бахрушин не выказал особого интереса, поспешил добавить:

– Шеф теперь только о пенсии и говорит. Занимаемся текучкой. Он с нового года в отставку собрался. И конечно, ни о каких серьезных делах не допускает и речи. Но ведь если сигнал поступил, значит, на него нужно как-то отреагировать. А это очень важная информация.

– Но, как я понял, анонимная, – пожал плечами Бахрушин. Он не любил анонимок и при малейшей возможности старался избавиться от всех неподписанных или подписанных вымышленными именами сообщений.

– Дело слишком серьезное, в него втянуты такие люди... Возможно, даже кто-нибудь из наших... – снова переходя на шепот, проговорил старший лейтенант Кориков.

– Ив чем суть? – спросил Бахрушин, понимая, что просто так от этого старлея не отделаться. Ведь он, если поймет, что полковник, как и его шеф, отложит папку подальше, пойдет еще к кому-нибудь делиться информацией. И уже будет жаловаться не только на полковника Володина, но и на него самого.

Кориков чуть замялся и, глянув на часы, заметил:

– И правда, обед уже.

– Ладно, бог с ним, с обедом. Перекушу позже или кофе закажу, – вздохнул Бахрушин.

– Поверьте мне, вы не пожалеете, что взяли за это дело! – пододвигаясь еще ближе к столу, загорелся Кориков.

– Я внимательно слушаю, – сказал Бахрушин, просматривая страницы из черной папки.

– К нам уже давно поступают сигналы... – начал Кориков.

– Как давно? От кого? – перебил его полковник. – Учитесь докладывать, старший лейтенант!

– Первый анонимный сигнал поступил еще год назад, – с готовностью уточнил старший лейтенант Кориков. – Сигнал поступил мне. И я лично докладывал об этом полковнику Володину.

– О чем был сигнал? – продолжал расспрашивать Бахрушин.

– О том, что появилась новая организация, действующая по принципу пирамиды. В нее входят только влиятельные и богатые люди.

– Цель организации? – спросил Бахрушин.

– Вот цель или, скорее, цели этой организации мне, к сожалению, точно неизвестны. Но ее члены один за другим начинают занимать ключевые посты и в государственной, и в финансовой сферах. И я берусь утверждать, что это происходит не только в России. Члены этой тайной организации имеют надежные связи за границей. В частности, в таких странах, как Нидерланды, Чехия, Германия. Как сообщает информатор, это не просто финансовая пирамида, это международная мафия. И корни ее – в России. Те, кто находится у подножия пирамиды, – люди не самые богатые, они понятия не имеют о тех, кто над ними. Они платят какие-то минимальные взносы. Чем выше человек находится, тем больше платит, но и положение у него выше. У вершины пирамиды – избранные, возможно, избранный. Но о нем никаких сведений нет.

– Ты так горячо говоришь обо всем, – покачал головой полковник, как бы ненароком изменив обращение к Корикову на «ты», – что кажется, будто сам участвовал в этой афере. Здесь, в этой анонимке, и части нет того, что ты мне наплел.

Кориков смутился, но, пропустив мимо ушей довольно едкое замечание, продолжил:

– Теперь у организации есть свои финансы, свои люди во всех сферах. Условие вступления – вербовка хотя бы одного надежного человека.

– Как я догадываюсь, главная суть организации – абсолютная соподчиненность всех членов. И если ты каким-то образом тоже сопричастен к этому тайному сообществу, то сейчас, надо полагать, ты тоже выполняешь определенную миссию, – проговорил полковник, буквально

просвечивая старшего лейтенанта Корикова взглядом. – Ну, допустим, ты должен завербовать в вашу организацию такого ценного сотрудника, как я...

– Ну зачем вы так? Как вы могли подумать? – совсем растерялся Кориков. – Я, наоборот, хотел предложить свои услуги. И вместе с вашими сотрудниками заниматься расследованием этого дела. Думаю, мне у них есть чему поучиться.

Последние слова совсем не понравились полковнику Бахрушину. Одно дело – навязать отделу проверку сомнительной анонимки и совсем другое – представить этому старлею своих лучших сотрудников.

Полковник Бахрушин понял, что, как бы ни складывались обстоятельства, придется играть в кошки-мышки. С одной стороны, старлей должен быть уверен, что ему доверяют, но с другой – он не должен узнать того, что не следует. Для «сотрудничества» со старшим лейтенантом Кориковым нужен будет сотрудник особого склада. Лучше всего практик, далекий от кабинетной работы. У полковника Бахрушина был такой надежный кадр. Но свести их нужно будет как бы случайно, а проследить за процессом Бахрушин решил сам. Что-то ему определенно не нравилось и в поведении этого старшего лейтенанта Корикова, и в самом этом деле.

– Знаешь, старший лейтенант, – как можно серьезнее проговорил полковник, – меня это дело заинтересовало. Я сам возьмусь его курировать. Учитывая, что организация эта тайная и, как ты говоришь, ее агенты могут сидеть в любом кабинете, чем меньше людей будет знать о наших действиях, тем лучше.

Старший лейтенант Кориков от такого поворота событий опешил и тряхнул головой.

– Но ведь нужно будет кому-то внедриться в организацию, следить за ее членами... – сглотнув слюну, проговорил он.

– Ты же сам предложил мне помочь, – пожал плечами полковник. – Все, твоя взяла, – ты меня убедил, что дело архиважное.

– Но ведь у меня служба. Я смогу заниматься этим делом только в нерабочее время, – пошел на попятную старший лейтенант.

– А я в рабочее, – кивнул Бахрушин и, глянув на часы, понял, что на кофе у него осталось не более пятнадцати минут. Сразу после обеда к нему собирался зайти тот самый полковник Володин. У него тоже было к нему какое-то дело, притом срочное.

– Но с чего начинать? – растерянно проговорил Кориков.

– Начнем с того, что я отдам эти листочки на экспертизу графологу, – ответил Бахрушин.

– Нашему графологу?! – испуганно прошептал Кориков.

– Да нет, у меня есть свой специалист. Он умеет держать язык за зубами, – ответил полковник.

– Это хорошо... – успокоился Кориков и с готовностью спросил: – Может, мне их ему отвезти?

– Нет, – сказал как отрезал Бахрушин, – он работает со мной напрямую.

– Хорошо, я понял, – согласился Кориков. – Когда я буду нужен, позвоните мне на мобильный.

С этими словами он положил перед полковником свою визитку.

– Позвоню, – сказал полковник, приподнимаясь и пожимая Корикову руку.

Как только Кориков вышел, Бахрушин позвонил человеку, которому он доверял как самому себе и даже чуть больше, – Борису Ивановичу Рублеву, позволявшему лишь немногим людям, в основном его личным друзьям, называть его Комбатом.

Больше всего полковника Бахрушина привлекала способность Комбата к стремительным, но всегда разумным и, как потом оказывалось, до мелочей продуманным действиям. Ему, полковнику ГРУ, оставалось лишь его корректировать. Бахрушин понимал, что дело, в которое он хочет втянуть Бориса Рублева, не тянет на его уровень. Но в этом случае Бахрушину важнее всего было четкое взаимодействие и понимание с полуслова.

Комбат ответил не сразу. Голос его, как показалось Бахрушину, был тревожным.

– Мне нужно срочно с тобой встретиться. В семь вечера у меня, – сказал Бахрушин.

– Я тоже имею для вас интересную информацию, – заметил Комбат.

«У меня» обозначало не кабинет, а одну из конспиративных квартир, где чаще всего Бахрушин встречался со своими агентами.

В кабинет вошел полковник Володин вместе с секретарем, который нес на подносе две чашечки кофе.

В этом невысоком и довольно упитанном лысом мужчине с трудом можно было узнать бравого вояку, который по воле судьбы находился в центре нескольких довольно сложных и опасных политических ситуаций и, к его чести, смог из них выйти сам и вывести тех, за кого на него была возложена ответственность. Дела эти, правда, будут рассекречены не раньше чем через полвека, когда о них и книги напишут, и фильмы снимут. И узнают о них правду не дети, а внуки. У Володина их было трое, и он постоянно делился впечатлениями и повторял, в последнее время все чаще, что внуки – главное его богатство и он ждет не дожидается, когда сможет беззаботно возиться с ними. Полковник Бахрушин, сам уже пожилой человек, отлично понимал, что этими надеждами на возню с внуками полковник Володин пытается подсластить себе горечь ухода на пенсию, хотя у некоторых пенсионеров действительно получается найти себя в новой роли. Но чем более ответственные задания приходилось выполнять человеку при погонах, тем труднее ему возвращаться к гражданской жизни. А полковник Володин, несмотря на свою полноту и проблемы с давлением и сердцем, оставался человеком действия.

– Ну что, – окидывая коллегу скептическим взглядом и присаживаясь к столу, проговорил Володин, – мой-то ретивый уже успел у тебя побывать?

– Ты о ком? – спросил Бахрушин, решив сделать вид, что не понял. – У тебя в отделе, насколько я знаю, особенно в последнее время, все ретивыми стали. Шустрят, брат, шустрят.

– Да, как говорится, еще не вынесли тело, а уже все за дело. Каждый мнит себя на моем месте. Думают, кто первым выслужится, того и поставят, – вздохнул полковник Володин. – Ну да бог с ними. Уйду, вот увидишь, мигом перегрызутся. Я бы на месте начальства кого-нибудь со стороны поставил. Или вот еще вариант – объединить наши два отдела. А ты начальником станешь.

– Володин, – покачал головой Бахрушин, – ты что, только с этим ко мне пришел?

– Да нет, еще вот кофе попить, – сказал Володин, пожеже прикидывая, с чего начать.

– Давай выкладывай, не тяни, а то дел невпроворот, – поторопил его Бахрушин, которому до встречи с Комбатом еще нужно было кое-что проверить.

– Деловой... Не умеешь ты отдыхать, снимать напряжение, – как ни в чем не бывало, будто проверяя коллегу на выдержку, продолжал тянуть время Володин. – Вот я в молодости стресс только сексом снимал. Ну а как секс кончился, я теперь, если чувствую, что надо снять напряжение, к внукам еду или их к себе приглашаю. Это же такое счастье – внуки. Детей же растить, воспитывать нужно было. А внуков можно просто любить.

Бахрушин слушал его с легкой улыбкой на губах. А Володин, обнаружив, что собеседник из себя выходить не собирается, снял очки, сосредоточился и наконец заговорил о том, ради чего пришел:

– Проблема наклеивается. Нехорошая. Связанная с убийством. Даже двумя убийствами. Убили, пожеже, ради того, чтобы добыть какие-то документы, списки некоего тайного общества, у которого есть выход на один из иностранных банков. А может, и не на один. Сам я этим делом заниматься не собираюсь. Времени и сил нет. А сотрудники у меня, сам видишь, заняты только тем, чтобы выслужиться. Возьмешься?

– Ты, значит, с внуками будешь снимать стресс, а мне дело убийное расследуй? – покачал головой полковник Бахрушин, интуитивно чувствуя, что анонимка, с которой снял копию

старший лейтенант Корилов, и проблема, о которой сейчас ведет речь полковник Володин, связаны между собой.

Будто в подтверждение его мыслей, Володин сообщил:

– Был анонимный сигнал. Чушь, конечно, никаких конкретных фамилий. Но не исключая, что эти дела как-то между собою связаны. Там вроде как что-то наподобие пирамиды построено. Влиятельные люди, взносы и так далее. Мне это бредом показалось. Знаешь, иногда какой-нибудь придурок фильмов насмотрится, вообразит себя героем и давай серьезные организации письмами забрасывать. Но вот теперь, как мне надежные люди сообщили, дело принимает серьезный оборот. Похоже, в той анонимке какой-то процент правды был. Я тебе все рассказывать не буду. Сам знаешь, и у нас здесь повсюду уши. Ты вот это почитай, – Володин достал из внутреннего кармана пиджака несколько исписанных аккуратным почерком листочков. – Здесь мои размышления, расчеты. Пользуйся. Да, начальство в курсе, что я тебе это дело перебрал.

Володин встал из-за стола, пожал руку Бахрушину и направился к двери.

Бахрушин, развернув листочки, только покачал головой. Все знали, что полковник Володин – великий мастер схем и таблиц. Каждое новое дело он сначала переводил в ему одному понятную знаковую систему. Володин полагал, что, если дело дутое, схема его повалит как карточный домик, а если серьезное, благодаря схеме можно будет выявить ключевые звенья.

К сожалению, внимательно изучить суть дела, изложенную в схемах с комментариями, Бахрушин не успевал. Ему нужно было ехать на встречу с Комбатом.

Пока что у Бахрушина не было четкого плана, как будет действовать Комбат. Им еще предстояло вместе изучить схему, которую составил Володин, и продумать, как включить в работу ретивого старлея Корилова. У Бахрушина было достаточно агентов разного уровня, но для этого дела ему нужен был человек надежный во всех отношениях. Не только физически и психически выносливый, но, главное, способный в любой ситуации мыслить трезво и быстро принимать решения.

Если такая тайная организация существует, то действовать нужно осторожно, чтобы, охотясь за мелкими рыбешками, не спугнуть крупную рыбу. Если дело обстоит так, как доложил старлей Корилов, то пирамида будет посерьезнее, чем МММ. Ничто так прочно не связывает людей, как общая тайна и общее преступление.

Где находится квартира, куда должен был подъехать Комбат, Бахрушин не сообщал даже своему водителю, который обычно высаживал его за квартал от нужного дома.

Подходя к подъезду, полковник глянул на незанавешенное окно кухни. Если бы Комбат уже был на месте, он обязательно задернул бы клетчатые занавески – это был их тайный условный знак.

Вместе в подъезд они никогда не входили, покидали квартиру они тоже по одному. Поднявшись наверх, полковник первым делом занавесил на кухне окно и позвонил Комбату. Его телефон был недоступен. Бахрушин прошел в комнату и включил телевизор. Курить в квартире ему не хотелось, и он вышел на балкон.

Дождь уже не моросил, но небо было затянуто серыми тучами. Полковник знал, что в такую осеннюю пору именно тучи являются залогом теплой погоды. Они еще способны сохранить то тепло, которое накопила за лето земля. Особенно за такое жаркое лето, как в этом году. Но стоит тучам вылиться на землю дождем, рассеяться, как через ясные голубые небесные проталины начнут пробираться к земле первые заморозки. Но, надо полагать, до зимы было еще далеко. Листья на деревьях хотя и пожелтели, но даже после дождя держались довольно крепко. Во дворе росли несколько березок, и их нежные листики-монетки создавали вокруг каждой трепетную теплую вуаль. Полковник Бахрушин почему-то вспомнил, как бабушка учила его когда-то определять, какой будет зима. Если первыми облетают с березок листья со средних веточек, значит, самым холодным будет январь, с нижних – декабрь, а если с верхних, что

бывает редко, – февраль. Бахрушин присмотрелся и обнаружил, что первыми лысеть начали средние ветки. Значит, жди лютого января.

Докурив, Бахрушин вновь набрал номер Комбата. Тот по-прежнему был недоступен. На улице тем временем нарисовался старший лейтенант Корилов. Он шел и то и дело оглядывался. Полковнику это весьма не понравилось, и он поспешил уйти с балкона.

Глава 4

Вернувшись на родину из Америки, Анжела Выспяньска купила себе коттедж в одном из подмосковных поселков, наняла прислугу и начала осваиваться в московском бомонде, куда ее ввел старый, еще школьный друг Гарик Сериков, который когда-то через своих друзей и познакомил Анжелу с господином Выспяньским, заокеанским бизнесменом польского происхождения. Голубоглазая, с длинными светлыми волосами и длинными и стройными ногами, юная Анжела старику настолько понравилась, что он не только сделал ей официальное предложение руки и сердца, но и настоял на том, чтобы в брачном договоре было указано, что в любом случае, даже если Анжела подаст на развод, половина его состояния останется за ней. И вот теперь, после десяти лет жизни за океаном, ей после смерти Выспяньского досталось все его состояние. Такова была его предсмертная воля.

Гарик Сериков первым из соотечественников позвонил новоявленной вдове.

– Здесь, в России, – убеждал он ее по телефону, – сейчас для таких, как ты, богатых наследниц просто рай. Поле чудес в стране дураков. Главное – грамотно вложить деньги. Но в этом я тебе помогу!

Анжела, несмотря на то что не утратила имиджа глуповатой очаровательной блондинки, была себе на уме. В Америке она даже получила высшее экономическое образование.

Гарик Сериков, который на деньги, вырученные за парочку таких же, как Анжела, юных дев, сосватанных богатым американцем, еще в начале нулевых открыл свое брачное агентство, хотел и Анжелу к этому делу пристроить.

Анжела, в девичестве Попкова, рано лишилась родителей, ее воспитывала бабушка, которая всячески старалась оградить внучку от бытовых проблем. А потом красавица Анжела попала в поле зрения Гарика и богатого заокеанского вдовца Выспяньского. В Америке все бытовые проблемы решались будто бы сами собой. Вернувшись в Россию и попытавшись уладить несколько элементарных житейских неурядиц, Анжела поняла, что без надежных помощников ей не обойтись.

Ведь если товары можно было заказать через Интернет, то за каждой мало-мальски важной бумажкой приходилось идти, сидеть в очереди, пропускать пенсионеров и инвалидов, выслушивать высокомерные замечания сидящих за столами ярко накрашенных, окидывающих ее завистливыми взглядами, полногрудых дамочек. Это было выше ее сил. И когда Гарик помог ей купить и обустроить коттедж, найти подходящую прислугу, она даже стала ежемесячно выплачивать ему приличную сумму денег. Интересы как любовница или потенциальная супруга она для Гарика Серикова не представляла. Все знали, что тот был геем и абсолютно от этого не страдал.

И все-таки Анжела не спешила вкладывать деньги в его брачное агентство. Ей хотелось самой осмотреться, разобраться, куда именно в России выгоднее всего вкладывать средства, так, чтобы как можно скорее удвоить, утроить доход. Как всякой красивой женщине, Анжеле хотелось прослыть еще и умной, доказать всем, что она и сама может деньги зарабатывать. Гарик, который не просто понимал, а чувствовал женщин, очень быстро обнаружил эту ее ахиллесову пяту и методично предлагал ей то одно, то другое дело, а принимая ее отказы, лишь пожимал плечами:

– Может, ты и права.

Но однажды, когда они вернулись с очередной светской вечеринки, Анжела, будучи, как говорится, подшофе, допивая сваренный им кофе, призналась:

– Скучно тут у вас! И как вы могли допустить, чтобы ни одного казино не осталось?

– А что, ты любишь азартные игры? – поинтересовался Гарик.

– А чем еще заниматься одинокой женщине с деньгами, которые хочется приумножить? – пожала плечами Анжела.

– В казино можно на самолете слетать, в Минск или куда подальше. Но у нас и покруче игры есть, – улыбнулся Гарик и кое о чем рассказал поподробнее.

И Анжела наконец сдалась и произнесла сакраментальную фразу:

– Вот это может меня заинтересовать.

Анжелу действительно заинтриговало развлечение, которое организовывал для богатых, точнее, очень богатых россиян расторопный Гарик. Он сводил вместе двух или трех любителей адреналина и принимал от них довольно солидные ставки. Потом каждому давал не столько физически, сколько психологически сложное задание. Кто держался дольше других, тот и получал дипломат со всеми деньгами. Кого-то Гарик, загримировав, посылал работать садовником к какой-нибудь капризной рублевской мадам, кого-то – пожить в коммуналке или поработать на подпольной фабрике по пошиву кепок. Кому-то довелось побывать бомжем, мусорщиком, уличным музыкантом или попрошайкой. Игра была настолько захватывающей, а ставки настолько серьезными, что адреналин засидевшиеся в своих кабинетах «денежные мешки», можно сказать, черпали ложками.

Что именно понравилось в этом развлечении Анжеле, трудно сказать. Но первое, о чем она спросила у Гарика, – это может ли она лично поучаствовать в нем. Гарик, имевший опыт общения с теми, у кого денег куры не клюют, сделал серьезное, можно сказать, пуленепробиваемое лицо и предупредил:

– В принципе это возможно. Но сначала ты должна спонсировать хотя бы одну игру.

Анжела, будучи человеком азартным, согласилась и спонсировала одну из последних игр, то есть добавила денег в тот самый заветный дипломат. В игре участвовало три уже известных ей бизнесмена. Двое – постарше и один совсем молодой, зять какого-то, как утверждал Гарик, суперворотилы. Им нужно было пожить жизнью бомжей. Обычно в таких случаях участников игры без документов, а то и без одежды высаживали где-нибудь за городом. Дальше они должны были действовать самостоятельно. Гарик рассказывал, что некоторые шли на свалку искать себе товарищей по несчастью, некоторые добирались до города и тусовались с бомжами в подвалах.

– Там же грязь, вонючка, антисанитария, – брезгливо скривилась Анжела, вспомнив свою доамериканскую жизнь.

– Для богатых людей, поверь, не это самое страшное... – покачал головой Гарик.

– Не знаю, – вздохнула Анжела. – Я в Америке привыкла, что от людей пахнет в худшем случае дешевым дезодорантом или бензином, но никак не потом и мочой. Меня бы вытошнило от одного с ними соседства. Как вспомню мужиков с синюшными лицами, от которых за версту несло перегаром... Нет. Если и решу поиграть, то только не в бомжей.

– Да нет, – покачал головой Гарик, – парни довольно спокойно переносят и вонь, и грязь, и перегар, которым разит от бомжей обоого пола, они ломаются на совсем другом.

– А именно? – спросила Анжела.

– Они отвыкли жить в коллективе, – ехидно ухмыльнулся Гарик. – Все эти крутые бизнесмены – страшные эгоисты, они не умеют подчинять свои личные интересы интересам коллектива. И даже в бомжачьей шкуре они нет-нет да и проявляют гонор. Кто-то внаглую заначку сделает, кто-то не дослушает пьяную исповедь какого-нибудь бомжа-бедолаги, не уважит, откажется выпить и тому подобное. А за это бьют, жестоко бьют.

– И что, – уточнила Анжела, – бывает что и до смерти?

– Это коммерческая тайна, – резко свернул разговор Гарик.

Анжела не стала вдаваться в расспросы, но задумалась. А сама она смогла бы жить в коллективе? Ведь, живя с любящей ее бабушкой, а потом со старым, трясущимся над ней мужем, Анжела всегда ощущала себя пупом земли. Она и просить-то толком не умела, чаще отдавала

приказы – поварам, горничным, садовнику, водителю, охранникам. Вспомнив про охранников, Анжела сморщилась, как от зубной боли.

Так получилось, что вчера у нее уволились двое охранников, а без Гарика найти новых она не могла. Так что оставалось ждать Гарика. Но долго сидеть сложа руки у Анжелы никогда не получалось, поэтому она встала из кресла-качалки и спустилась на первый этаж.

Дом, который Анжеле помог подобрать и купить Гарик, раньше принадлежал первоклассному повару, который долгие годы кормил сильных мира сего, а потом стал владельцем сети московских ресторанов. Неудивительно, что кухня, где теперь хозяйничала кухарка Регина Петровна, была оборудована по последнему слову техники. Бывший хозяин недавно уехал на постоянное жительство в Штаты, где сначала обжился его сын, и Гарик сумел договориться, чтобы он оставил всю встроенную технику. Интерьер, правда, они освежили и по просьбе Анжелы сделали поярче. Теперь на кухне вместо металлического блеска хай-тек доминировал сочный оранжевый цвет. Анжела думала, что дождливыми осенними днями именно он сможет поднять ей настроение и вдохнет в нее силы. Но теперь этот цвет ее явно раздражал. Но больше этого ее раздражала сейчас Регина Петровна, которая, вполголоса распевая какие-то странные песни, зачем-то жарила сало и лук. Анжела с детства терпеть не могла этот запах.

*Вянет-пропадает
Молодость моя:
От лихого мужа
В доме нет житья.
От лихого мужа
В доме нет житья.*

*Пьяный – все бранится,
Трезвый – все ворчит
И что ни попало
Из дому тащит.
И что ни попало*

*Из дому тащит.
«Потерпи немного, —
Люди говорят. —
Милого побой
Недолго болят.
Милого побой
Недолго болят».*

*Огорчатся неча,
Робкая душа.
Он меня жалеет,
Любит он меня.
Он меня жалеет,
Любит он меня...*

– Если муж не устраивает, разводиться нужно, а не выть белугой! – прокомментировала Анжела.

– Ой, это вы, Анжела Викторовна, – вздрогнула Регина Петровна, положив лопаточку, которой мешала на сковороде сало и лук, – а я и не услышала, как вы вошли. Я думала, что вы наверху отдыхаете. Вот хотела себе яичницу приготовить.

– Кофе мне сделай! – сказала Анжела все так же раздраженно и, наливаясь краской, добавила: – Я тебя сто раз просила сало с луком в моем доме не жарить. Я не переношу этого запаха!

– Так я же думала, это вы просили, чтобы вам я сало с луком не подавала. А я же не вам, я себе, – сказала Регина Петровна, вздыхая.

Пока она говорила с хозяйкой, лук начал подгорать и вся кухня наполнилась едким дымом.

– Что у тебя тут, Регина, пожар?! – звонко воскликнула горничная Юля, которая была едва ли не вдвое моложе Регины Петровны, но обращалась к ней исключительно на «ты».

– Кофе мне кто-нибудь сделает?! – выкрикнула Анжела.

– Тихо, тихо, радость моя, иди наверх, я сделаю тебе кофе, – неожиданно отозвался Гарик, который неслышно вошел в дом и на кухню.

– Гарик, поговори с ними, они меня в грош не ставят! – обиженно сказала Анжела и, развернувшись, вышла из кухни, поднялась наверх, опять села в кресло-качалку и попыталась проговорить про себя все то, чему учил ее в Америке личный психотерапевт, бывший эмигрант Роберт Карлович.

Мерно покачиваясь, Анжела сначала про себя, а потом полупшепотом повторяла:

– Я спокойна, я абсолютно спокойна. Я сижу на берегу океана и слушаю шум прибоя. Он меня успокаивает, он меня успокаивает... Солнце садится за горизонт. Вот оно касается волн, и они одна за другой передают друг другу его свет... Я спокойна, я абсолютно спокойна...

В Штатах, как показалось Анжеле, психотерапевты были более востребованы, чем священники. Каждый уважающий себя американец имел личного или семейного психотерапевта. И здесь, в России, Анжеле очень не хватало Роберта Карловича. Самым лучшим его качеством было то, что он мог выслушивать человека, не навязываясь со своими комментариями и советами. Именно поэтому, уехав в Россию, Анжела регулярно общалась с Робертом Карловичем через Интернет. Она выговаривалась, и ей сразу становилось легче. Гарик тоже мог выслушать, но он обязательно начинал комментировать или, еще хуже, действовать.

И сейчас, когда Гарик наконец поднялся наверх, первое, что он сказал, было:

– Они обе уволены. Собирают вещи и сейчас съедут. Я сам рассчитаюсь с ними завтра. Ты дашь мне деньги, я встречу с ними где-нибудь в городе и расплачусь.

– Зачем?! Зачем ты их уволил?! – возмутилась Анжела, вскочив с кресла. – Как ты мог без меня их уволить?! Ведь я, я же их хозяйка!

– Ну конечно ты! – попытался пойти на попятную Гарик. – Но ведь у тебя на них уже нервов не хватает.

– Разве можно быть уверенным, что новая прислуга окажется лучше старой? – вздохнув, пожалала плечами Анжела.

– Ты хочешь, чтобы я их вернул? – удивился Гарик.

– Да. Да, да! – опять сорвалась на крик Анжела. – Верни, немедленно верни их!

– Айн момент! – сказал Гарик и сбежал вниз.

Вернулся он спокойный и удовлетворенный.

– Ну вот. Конфликт улажен. Обе дамочки абсолютно счастливы. Я сказал, что хозяйка успокоилась и решила не расставаться с такими ценными для нее кадрами. Так что ты теперь их благодетельница.

– Спасибо, – вздохнула Анжела. – Ты же знаешь, что я и так сижу без охранника. А если бы еще и эти уволились, совсем лажа...

– Все в порядке, – улыбнулся Гарик. – И охранника мы тебе найдем. Будет тебе охранник. Но нервы у тебя, мать, совсем швах.

– Знаю, – кивнула Анжела, нервно расхаживая по комнате.

– Так что ты делать собираешься? – поинтересовался Гарик. – Тебе же лечиться надо.

– Нет, – покачала головой Анжела. – Я просто давно не общалась с моим психотерапевтом.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул Гарик.

– Не хмыкай тут! – опять взорвалась Анжела. – Ты понятия не имеешь, какие у нас с ним отношения!

– Ах, так у вас с ним еще и отношения! Я смотрю, ты продолжаешь ему перечислять солидные гонорары, – сказал Гарик и тут же пожалел о сказанном.

Анжела в буквальном смысле взорвалась:

– Я попросила тебя проверить мои финансы не для того, чтобы ты учил меня, как я должна тратить деньги!

– Да тихо ты, Анжела, тихо, – проговорил Гарик, чуть приобняв ее, и добавил: – Тебе, Анжела, мужик нужен. Молодой, здоровый, полный сил и энергии. Может, в клуб тебя какой сводить?

– Сама разберусь, – чуть успокоившись, ответила Анжела, отстраняясь от Гарика. – Будет охранник – и сама разберусь.

– Разберешься, конечно, разберешься... – задумчиво пробормотал Гарик.

– Кстати, ты обещал, что придумаешь мне тоже какую-нибудь роль в этой твоей игре, – вспомнила Анжела. – Бомжихой я, конечно, быть не хочу.

– А давай я тебя поварихой или гувернанткой к кому-нибудь устрою, – не то в шутку, не то всерьез предложил Гарик.

– Поварихой – нет, – покачала головой Анжела. – А вот гувернанткой вполне. Я еще сильно не примелькалась. Постригусь. Покрашусь в какой-нибудь рыжий цвет, цветные линзы надену, может, очки для пушей важности нацеплю. Только сначала охранника мне найди. Кто-то ведь должен следить за моей безопасностью.

– Да, а то пропадешь, как иногда бывает. И кому тогда деньги? У тебя же ни мужа, ни детей, вообще никаких родственников, – как-то нехорошо взглянув на Анжелу, заметил Гарик.

– А разве в твоей игре бывает, что люди пропадают? – удивилась Анжела.

– Всякое бывает. Вот в последней игре двум парням из трех не по силам стало бомжевать. Одного какие-то отморозки так иссинячили, что на больничной койке оказался. А другому срочно приспичило любовницу свою с днем рождения поздравить. Думал, что наши люди не просекут. Зато третий как в воду канул. Может, прижился среди бомжей? Деньги мы жене передали. А где он, что с ним – нас уже не волнует.

– Когда ты охранника мне найдешь? – напомнила Анжела.

– Ты можешь хотя бы день подождать? – спросил Гарик. Теперь нервы, похоже, начинали сдавать уже у него.

Тут раздался звонок. Горничная поднялась вверх и, волнуясь, сообщила:

– Простите, там какой-то молодой человек предлагает свои услуги.

– Сексуальные? – спросил ее Гарик.

– Нет, – смутилась горничная, – он охранником может быть...

– Охранником?! – обрадовалась Анжела и тут же попросила: – Зови его. Пусть войдет.

Горничная, все еще смущаясь, молча кивнула и пошла вниз. Анжела же, победоносно глянув на Гарика, заявила:

– Ну вот. Видишь! Я сама, без твоей помощи, охранника себе нашла!

– Подожди, Анжела, – не на шутку испугался Гарик. – Ты что, собираешься пригласить в дом незнакомого мужчину? Может, он преступник...

– Я не преступник. И ты, Гарик, это прекрасно знаешь! – раздался с лестницы твердый мужской голос.

Гарик повернулся и побледнел.

– Вы знаете Гарика? – удивилась Анжела, с интересом присматриваясь к молодому человеку в кожаной куртке с заклепками и бандане. На плече у него висела спортивная сумка.

От незнакомца исходила та самая мужская энергия, которой Анжеле сейчас так не хватало. Она смотрела на него, как мышь смотрит на удава, который вот-вот готов ее заглотить.

– Кто ж в Москве не знает Гарика? – ухмыльнулся парень и, окинув всех пристальным взглядом, добавил: – Но знает ли меня Гарик – вот в чем вопрос. Гарик, ты готов за меня поручиться?

Гарика, видно, стало совсем не по себе. Он нервно сглотнул, а потом пробормотал:

– Но у тебя же была работа.

– Вот именно: была. Была, да сплыла, – сказал незнакомец и, чуть склонив голову, представился: – Меня зовут Константин. Если вам нужен охранник, я готов взять на себя ответственность за вашу жизнь и ваше здоровье.

– А рекомендации? Рекомендации у вас есть? – с трудом преодолевая волнение, спросила Анжела.

– Есть, конечно, – кивнул Константин и, улыбнувшись, окинул, точнее, ощупал Анжелу наглым оценивающим взглядом.

Анжеле в какое-то мгновение показалось, что он ее просто-таки раздевает. Она еще больше смутилась и покраснела.

А Константин, играя желваками, продолжил:

– Мой главный рекомендатель – это Гарик. Ведь правда, Гарик, меня не только можно, но и нужно взять на службу?

Гарик явно через силу кивнул и, взглянув на часы, добавил:

– Анжела, ты прости, но мне срочно надо отъехать в одно место...

– Езжай, – решительно сказала Анжела. – У меня же теперь есть Константин.

– Так вы берете меня? – спросил Константин, продолжая раздевать Анжелу взглядом.

– Простите, какую комнату ему подготовить? – спросила горничная, которая, оказываясь, все это время стояла на лестнице и слышала весь разговор.

– Я сама покажу Константину его комнату, – заявила Анжела, чувствуя себя не в силах справиться с желанием остаться с этим мужчиной наедине.

Гарик, воспользовавшись моментом, поспешил ретироваться, горничная же продолжала стоять. Ей, очевидно, тоже не терпелось остаться с Константином наедине. Но Анжела на правах хозяйки заявила:

– Ты можешь быть свободна. И кухарка пусть уходит. Вы сегодня уже натворили дел.

– Но...

– Никаких «но»! – покачала головой госпожа Выспяньска. – Вы свободны. Чтобы через пять минут здесь и духу вашего не было.

Горничная обиженно поджала губы и спустилась вниз. Анжела же, вдруг решившись, резко повернулась и искоса, как бы отстраненно глянув на Константина, кивнула ему:

– Пойдем за мной.

Она открыла дверь своей спальни, где стояла огромная, покрытая мягким, леопардового окраса пледом кровать и зеркальный шкаф.

Константин сам прикрыл дверь и, очевидно почувствовав призыв изголодавшейся без мужского внимания дамы, набросился на нее и, сорвав одежду, принялся целовать, доводя до исступления.

– Ты хоть куртку сними... – простонала Анжела и добавила: – Заклепки... Больно...

Но в этом ее «больно» слышалось «сладко».

Когда Анжела после такого неудержимого порыва страсти наконец пришла в себя, Константин уже успел натянуть штаны и свитер.

– Ну, теперь, надеюсь, рекомендации мне не потребуются, – сказал Константин и усмехнулся.

Анжела лишь молча покачала головой.

– Жить я буду в соседней комнате, – заявил Константин, забирая свою кожаную куртку и скидывая на плечо брошенную на пол сумку.

Анжела кивнула и отключилась.

Когда она проснулась, то поняла, что впервые за столько лет уснула без снотворного и, более того, наконец выпалась. В комнате было совсем темно, и Анжела не сразу поняла, вечер это или уже утро. Где остался ее мобильник, она не имела никакого понятия. Часов в спальне не было, пришлось подниматься и выходить из комнаты.

Дверь комнаты, где собирался поселиться, как сразу вспомнила Анжела, ее новый охранник, была чуть приоткрыта. Полоса света и шуршание бумаг свидетельствовали о том, что Константин не спит.

Анжела хотела сначала резко распахнуть дверь и королевой вплыть в комнату, но передумала и, прижавшись к стене, попыталась заглянуть внутрь. Константин сидел за столом и внимательно изучал какие-то документы. Через некоторое время он оторвался от бумаг и набрал чей-то номер на мобильном.

– Ну что, – сказал он кому-то, стараясь говорить потише, – пришла в себя? Она не может не знать кода замка. Пригрозите ей. Помучайте немного. Только не до смерти. Она мне живая нужна. Я бы приехал, но она меня узнает. Вы папаше ее звонили? Мой человек уже приехал, а мы кода не знаем.

Он выслушал, что ему ответили, и прошелся туда-обратно по комнате. Потом снова взял в руки мобильный.

– Гарик, ну что там слышно? Малиновский не объявился? Ни живой, ни мертвый? Это я так шучу... – сказал Константин и хохотнул.

Анжела, увидев, что Константин, разговаривая по мобильному, отошел к занавешенному окну, пригляделась к столу. И ей стало не по себе. На столе, кроме бумаг, лежал нож с узким длинным клинком и три бруска какого-то вещества, похожего на мыло.

Глава 5

Комбат отлично знал, что полковник ГРУ Бахрушин по пустякам беспокоить его не станет. Он обращался за помощью к Рублеву лишь в случае крайней необходимости, то есть тогда, когда проблема, которую следовало решить, была крайне острой, а никто из сотрудников совладать с ней готов не был или, как это нередко случалось, требовался не штатный сотрудник, а человек со стороны. Отношения у них были чисто мужскими. Полковник Бахрушин ставил перед Комбатом проблему, Комбат старался ее решить. Без всяких условий и объяснений.

Звонок полковника застал Комбата в тот момент, когда он вышел проводить, а точнее сказать, проследить Василия Титовца, который отправился на какую-то встречу. Комбата насторожило то, что Титовец, который всегда делился с ним своими планами, будучи уверенным, что тот никому ничего не расскажет и даст дельный совет, ничего не сказал ему о предстоящей встрече. Кроме того, находясь в большом городе, всегда стоит хотя бы одного человека поставить в известность, куда ты направляешься. После двух убийств, совершенных, без сомнения, одним и тем же человеком, по соседству с ним, Рублев никак не мог отпустить Титовца на встречу без подстраховки. Поэтому, поговорив с полковником Бахрушиным, он решил сначала проследить за Титовцом, а уже потом поехать на явочную квартиру и встретиться со своим начальником.

Василий спешил и, не очень хорошо зная новые транспортные маршруты, вынужден был поинтересоваться у Бориса Рублева, как скорее доехать до кафе «Аравия», где, очевидно, ему и была назначена встреча. Увидев, что Титовец садится на подсказанный ему автобус, Рублев взял такси и оказался на месте раньше Титовца.

Комбат зашел в небольшой цветочный магазин, витрины которого были уставлены цветами и выходили как раз на окна кафе «Аравия», где скоро появился Василий Титовец. Василий вошел в зал и сел за один из столиков. К нему тут же подошел официант и подал меню. Развернув его, Василий прочитал что-то, изменился в лице, забрал, как понял Комбат, записку и, оставив меню на столике, вышел из кафе. На крыльце Титовец посмотрел по сторонам, еще раз перечитал записку, закурил и начал набирать чей-то номер на мобильном.

Наблюдая за кем бы то ни было, Рублев обычно ставил свой мобильник на беззвучный режим. И теперь не услышал, а скорее почувствовал, что звонит Титовец именно ему. Отойдя вглубь магазина, он ответил:

- Слушаю.
- Борис, мою встречу перенесли. Ты дома?
- Нет.
- А когда вернешься?
- Думаю, вечером, – сказал Комбат.
- Тогда я возвращаюсь, отключаю телефон и ложусь отсыпаться.
- Хорошо. Я понял, – сказал Комбат, вздохнув с облегчением, и попросил: – Отзовись, когда приедешь.

Комбат дождался, когда Титовец завернул за угол, и пошел в другую сторону.

И опять, как случалось с ним все последние дни, вплоть до сегодняшнего утра, Комбат почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, причем, скорее всего, не в бинокль, а в прицел снайперской винтовки. Эта мысль, точнее, нехорошее предчувствие, знакомый с боевых времен холодок между лопатками подсказали Комбату один отвлекающий маневр. Прежде чем повернуть за угол и выйти на оживленную улицу, он сделал шаг вперед, одновременно резко откинувшись назад. Этого было достаточно для того, чтобы посланная в него пуля попала в витрину. Тут же сработала сигнализация, на улицу из магазина выбежали люди.

Сориентировавшись, Комбат дворами добрался до параллельной улицы, поймал такси, проехал несколько кварталов, а дальше опять двинулся пешком.

Кто и зачем в него стрелял, было неясно. Но если опасность угрожала ему, то, вполне возможно, она угрожает и Титовцу. Комбат хотел уже было позвонить ему, но он отозвался сам.

– Я дома. У меня все в порядке, отключаюсь и ложусь спать, – отрапортовал Титовец.

– погоди, – остановил его Комбат. – Ты не сказал, почему тебе перенесли встречу.

– Сказали, хвост надо отсечь, – признался Титовец. – Я так понял, что за мной или за ними следили.

– За ними? – с тревогой уточнил Комбат. – Значит, ты собираешься встречаться не с одним человеком? Это опасно.

– У меня нет другого выхода, – сказал Титовец и отключился.

С одной стороны, разговор с Василием Титовцом только прибавил вопросов и тревоги. Но с другой стороны, Комбат понял, что в него стреляли как в соглядатая, который увязался за Титовцом. Возможно, его пасли еще от самого дома, а может, обнаружили здесь, в цветочном магазине. Так или иначе, теперь Комбату было понятно, что Василий Титовец готовится к встрече с серьезными, даже слишком серьезными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.